

Н. Я. Козминъ.

О переводной и оригинальной
литературѣ конца XVIII и начала
XIX вѣка въ связи съ поэзіей
В. А. Жуковскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1904.

Н. К. Козминъ.

О переводной и оригинальной
литературѣ конца XVIII и начала
XIX вѣка въ связи съ поэзіей
В. А. Жуковскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1904.

Тинографія В. Безобразова и Ко
Вас. Остр. С.-Петербургъ. 8 л. № 45.

1904.

О переводной и оригинальной литературѣ конца XVIII и начала XIX вѣка въ связи съ поэзіей В. А. Жуковскаго.

Бываютъ моменты въ исторической жизни общества, когда оно, сознательно или безотчетно неудовлетворяемое печальною дѣйствительностію, хочетъ отвлечься отъ послѣдней и въ особомъ мірѣ, созданномъ работой мысли и чувства, мірѣ фикціи, а не реальномъ ищетъ себѣ успокоенія. Закрадется у него сомнѣніе въ силахъ человѣческаго разума, въ возможности достигнуть положительныхъ результатовъ путемъ логическихъ умозаключеній — и на смѣну выступаетъ мистическое созерцаніе истины, непосредственное единеніе съ міровой основой и проникновеніе въ тайны бытія; тяжелыми кажутся ему жизненные условія — на смѣну имъ является прекрасный миражъ, идиллическая картина, писанная свѣтлыми красками и освѣщенная розовымъ свѣтомъ, изображающая людей, счастливыхъ, наслаждающихся дарами природы, живущихъ по-братски и способствующихъ благоденствію другъ друга; ненадежной и слишкомъ несоотвѣтствующей реальности будетъ признана эта картина — и тогда угнетенная мысль окончательно отрывается отъ всего земного, и совершенно погружается въ царство грезъ, полное причудливыхъ, зачастую мрачныхъ образовъ, плодовъ разочарованности и разыгравшейся фантазій.

Такія впечатлѣнія овладѣваютъ нами при чтеніи многихъ произведеній, относящихся къ концу XVIII и началу XIX вѣка, когда реакціонное движеніе противъ разсудочной философіи еще болѣе развивало и игру чувства, и игру воображенія... Не оттого ли литературныя произведенія, отразившія на себѣ указанное направленіе, пришли по плечу общества? не оттого ли переводили на русскій языкъ такъ много подобныхъ иностранныхъ твореній, и требовались ихъ вторыя и третьи изданія?

О фантастической и сентиментальной литературѣ этой эпохи и объ отношеніи къ ней Жуковскаго хотимъ сказать мы нѣсколько словъ, безъ всякой, впрочемъ, претензій на полноту сообщаемыхъ нами данныхъ изъ исторіи европейскаго романа.

I.

Въ Англии, родинѣ Томсона и Юнга, Стерна и Макферсона, естественно могли появиться романы, по характеру своему сходные съ произведеніями указанныхъ сентименталистовъ. Такіе романы, дѣйствительно, встрѣчаются въ концѣ XVIII вѣка и принадлежатъ перу Анны Радклиффъ ¹⁾. Популярная писательница, авторъ многихъ произведеній, Радклиффъ произвела ими большое впечатлѣніе на общество и быстро приобрѣла громкую извѣстность. Въ Англии и Франціи образовалась цѣлая школа ея подражателей, что вынудило романистку, до тѣхъ поръ выступавшую подъ псевдонимомъ, заявить въ журналахъ, какія вещи написаны собственно ею ²⁾. Въ серьезномъ сочиненіи Керара указываются какъ произведенія самой Радклиффъ, переведенныя на французскій языкъ, такъ и должно приписываемыя ей во Франціи. Русская литература, въ данномъ случаѣ, послѣдовала, какъ и всегда, примѣру Западной Европы. Не только въ Москвѣ и Петербургѣ, но даже въ провинціи, въ Орлѣ и Смоленскѣ, печатается на русскомъ языкѣ значительное число романовъ Радклиффъ ³⁾, изъ которыхъ иные, переведенные съ французскаго, должны быть признаны подражаніями ⁴⁾.

Характеристика творчества Радклиффъ можетъ быть сдѣлана при анализѣ одного изъ лучшихъ ея романовъ „Удольфскія тайнства“, (конца XVIII вѣка), на который еще до выхода въ свѣтъ, подписались очень многія лица разныхъ сословій и положеній: графы, князья и простые купцы, генералы и мелкія чиновничьи сошки ⁵⁾.

Невольно припоминаются по поводу такого успѣха слова знаменитаго соотечественника нашей писательницы. „Г-жа Радклиффъ“, писалъ Вальтеръ Скоттъ: „обезоружила критику, и ея слава возрасла еще болѣе по изданіи въ свѣтъ „Тайнствъ Удольфскихъ“. Одно уже заглавіе служило приманкою, и публика съ жадностію кинулась на эту книгу. Въ многочисленныхъ семействахъ томы сего романа переходили

¹⁾ Edinburgh Review, 1834, t. LIX, pp. 327 — 341. John Dunlop's Geschichte der Prosadichtungen oder Geschichte der Romane, Novellen, Märchen. Uebertrag. von F. Liebrecht. Berlin, 1855, SS. 446—450.

²⁾ Quégar d. La France littéraire, t. 7, pp. 430—431.

³⁾ Перечислимъ нѣкоторые: „Итальянецъ, или исповѣдная черныхъ кающихся“ (М. 1802—1804); „Лѣсъ или Сентъ-Клерское аббатство“ (М. 1801—1802; 2 изд.—Смоленскъ, 1811; 3 изд.—Орель, 1823); „Тайнства Удольфскія“ (М. 1802); „Юлія, или подземелье Мадзини“ (М. 1802; 2 изд.—М. 1803; 3 изд.—М. 1812).

⁴⁾ Напримѣръ: „Видѣнія въ Пиренейскомъ замкѣ“ (М. 1809); „Гробница“ (М. 1802; 2 изд.—Орель, 1823); „Монастырь св. Екатерины“ (Орель, 1815); „Пустынный тайственной гробницы“ (М. 1818) и др.

⁵⁾ „Тайнства Удольфскія“, пер. съ фран., М. 1802, ч. IV, стр. 387—390. Не даромъ Пушкинъ въ „Дубровскомъ“ изобразилъ Марію Кирилловну, какъ „пылкую мечтательницу, напитанную таинственными ужасами Радклиффъ“.

изъ рукъ въ руки; нетерпѣливые чтоцы вырывали ихъ другъ у друга, и повсемѣстныя жалобы на остановки въ нужныхъ дѣлахъ, причиненныя сею книгою, служили общею данью, приносимою гению сочинительницы. Совсѣмъ иную и болѣе лестную дань платили автору уединенные больные или безпріютные холостяки, которые, благодаря очаровательной силѣ сего романа, перестали жаловаться на свою пустынную жизнь, и позабывали свои страданія, осиротѣлость и тайныя горести“¹⁾.

Основной сюжетъ романа настолько же пестроустроенъ, насколько сложна обстановка, въ которую, какъ въ раму, вставлено главное дѣйствіе. Дѣвица Эмилія Сентъ-Обертъ, лишившись отца, была отдана на попеченіе теткѣ, г-жѣ Шеронъ, которая всячески старается третировать племянницу и не соглашается на бракъ послѣдней съ любимымъ ею кавалеромъ Валанкуромъ. Между тѣмъ сама Шеронъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, выходитъ замужъ за нѣкоего Монтони и вмѣстѣ съ племянницей отправляется въ итальянскія владѣнія мужа (до сихъ поръ событія происходили во Франціи). Монтони оказывается закоренѣлымъ негодяемъ, промотавшимъ свое состояніе и живущимъ грабежами въ своемъ страшномъ замкѣ Удольфѣ, расположенномъ въ дикомъ мѣстѣ, среди Аппенинскихъ горъ. Здѣсь онъ деспотически сурово обращается съ женой и Эмилией, доводитъ своимъ ужаснымъ обращеніемъ первую до смерти, а послѣднюю до бѣгства изъ томительнаго заточенія вмѣстѣ съ однимъ французомъ, ограбленнымъ Монтони и находящимся у него въ плѣну, и еще двумя слугами, не переносившими той гнусной работы, какая выпадала на ихъ долю при жизни въ Удольфѣ. Бѣжавъ отъ Монтони, Эмилія долгое время скитается, прежде чѣмъ достигаетъ Франціи. На родинѣ, ея приключенія не кончаются: она узнаетъ плохія вѣсти о безпорядочной якобы жизни Валанкура, о чемъ сообщилъ ей новый ея знакомый графъ Виллофортъ, владѣтель замка Бланжи въ Лангедокѣ близъ Тулузы, замка, о которомъ въ округѣ ходили самыя ужасныя легенды. Въ концѣ концовъ послѣ цѣлаго ряда всевозможныхъ происшествій самаго загадочнаго и таинственнаго характера, болшею частію совершавшихся въ Бланжи, слухи о Валанкурѣ не оправдываются, Эмилія сама убѣждается въ искренности чувствъ его, порядочномъ образѣ жизни—и романъ, по старой манерѣ, заключается изображеніемъ брака и безмятежнаго счастья молодыхъ любовниковъ.

Но не столько любопытенъ сюжетъ романа, сколько разсѣяныя въ немъ идеи, типы, отдѣльныя картины и сцены, однимъ словомъ все, что даетъ понятіе о взглядахъ и вкусѣ Радклифъ и о томъ впечатлѣніи, которое долженъ вынести, послѣ ознакомленія съ романомъ, читатель. Главная идея—въ духѣ нравоучительныхъ произведеній XVIII вѣка: „Да будетъ, по крайней мѣрѣ, полезно доказать то, что порокъ можетъ иногда притѣснить добродѣтель; но что его сила кратковременна

¹⁾ Сынъ Отечества, 1826, ч. 105, стр. 141.

и наказаніе неизбежно. Между тѣмъ какъ добродѣтель, торжаемая неправосудіемъ, но подкрѣпляемая терпѣніемъ, торжествуетъ наконецъ надъ несчастіемъ! И если слабая рука, начертавъ сію исторію, могла своими картинами, своею утѣшительною моралью усладить на минуту горестъ злополучной; если она могла научить ее, какъ переносить бремя оной, то труды ея не останутся тщетны, и сочинительница получитъ свою награду“¹⁾).

Выраженная въ приведенныхъ словахъ мораль вполне примѣняется къ основному сюжету: разлукѣ двухъ любовниковъ, ихъ долгимъ бѣдствіямъ и—счастливому соединенію, послѣ цѣлаго ряда испытаній. Изъ этихъ двухъ любовниковъ, представляющихъ главныхъ героевъ романа, личность Эмилии обрисована очень нѣжными штрихами: она добродѣтельна, терпѣлива въ несчастіяхъ, постоянна въ любви и обладаетъ внѣшностью, вполне отвѣчающей ея нравственнымъ качествамъ. При всемъ томъ, нельзя сказать, чтобы ея фигура была изображена ярко и отчетливо писательницей: что-то неясное, туманное, недоконченное чувствуется въ этомъ образѣ дѣвушки... Другія дѣйствующія лица романа—неудачные любовники (Валанкуръ, Дюпонъ), или добродѣтельные отцы (Сентъ-Обертъ, графъ Виллефортъ), кающіяся монахини (Франциска) или негодяи: цыгане, кондотьерри (Монтони, Орсино), грабители Бланжи и т. п. Всѣ они путешествуютъ, скитаются, подвергаются разнымъ случайностямъ, лишеніямъ и непріятнымъ встрѣчамъ; они становятся жертвами разныхъ приключеній, причѣмъ совершающіеся передъ глазами читателя эпизоды запутываются очень сильно, становятся чрезвычайно сложны, и развязка ихъ рѣдко обходится безъ натяжекъ. Общій тонъ романа мрачный. Ночь, гроза, старые угрюмые замки, кладбища и пустыри,—вотъ условія, при которыхъ происходятъ событія, не менѣе замѣчательныя; здѣсь и погребенія усопшихъ (Сентъ-Обертъ, Монтони), и романческія покушенія на убійство (Монтони), и галлюцинаціи (Эмилиа)...

Въ событіяхъ много таинственности, наводящей ужасъ на героевъ, много сверхъестественныхъ фактовъ—но въ концѣ концовъ всѣ чудесныя явленія, полныя загадочности, объясняются естественнымъ путемъ и оказываются самыми обыкновенными: таинственное пѣніе и игра на лютиѣ, появленіе тѣни, пугающей часовыхъ въ Удольфѣ, неизвѣстно кѣмъ произносимыя слова—продѣлки плѣннаго француза Дюпона; непонятный шумъ въ замкѣ Бланжи, видѣнія въ покояхъ маркизы, пропажа слуги Людовика—уловки разбойниковъ, которые до пріѣзда Виллефорта сдѣлали въ замкѣ складъ награбленныхъ драгоценностей; гробъ съ изъязвленнымъ трупомъ, напугавшій Эмилию, былъ искусственнымъ, а трупу оказался куклой... Иногда Радклифъ, желая проще объяснить таинственный случай, ссылается на ученія сочиненія, ей доступныя;

¹⁾ „Таинства Удольфскія“, ч. IV, стр. 385—386.

такъ для выясненія дѣйствія электричества, она прибѣгаетъ къ книгѣ: *Sur l'électricité*, написанной аббатомъ Бертелономъ ¹⁾).

Мрачныя, угрюмыя картины преобладаютъ въ романѣ; они являются какъ бы развитіемъ тѣхъ унылыхъ мотивовъ, которыхъ много въ твореніяхъ Юнга и Оссіана, упоминаемаго на страницахъ „Таинствъ Удольфскихъ“ ²⁾).

Вотъ комната пытки въ замкѣ Монтони, этомъ строеніи „съ толстыми стѣнами, зубчатыми валами, обширнаго и древняго вкуса и ужаснаго вида“... За дверями свиститъ вѣтеръ, наволящій на меланхолическія думы, видъ комнаты также сильно дѣйствуетъ на нервы... Кругомъ царитъ мракъ, „слабый свѣтъ лампы не позволялъ Эмилиі разсмотрѣть все пространство. Она не видѣла никакихъ мебели кромѣ большихъ желѣзныхъ креселъ, которыя прибиты были гвоздями посреди комнаты и надъ которыми висѣла тяжелая желѣзная цѣпь, прикрѣпленная къ потолку кольцомъ изъ того же металла. Она долго смотрѣла на нее съ ужасомъ и удивленіемъ. Потомъ увидѣла желѣзныя цѣпи, сдѣланныя для скованія ногъ, и подобныя кольца на ручкахъ креселъ; она разсудила, что эта ужасная машина была орудіемъ пытки, и думала, что какой-нибудь несчастный, скованный въ семь мѣстѣ, долженъ былъ умереть съ голоду“... Въ отдаленіи былъ замѣтенъ „мрачный занавѣсъ, который спускался отъ самаго потолка до полу и закрывалъ цѣлую часть сего покоя“. „За нимъ находился трупъ, распростертый на низкой кровати; онъ весь былъ въ крови такъ, какъ и полъ; черты его, обезображенныя смертью, были ужасны, и нѣсколько ранъ видны были на синемъ лицѣ его“ ³⁾).

Но иногда писательница любитъ прерывать свое зловѣщее повѣствованіе и вставлять картины, полныя идиллической гармоніи и чувствительности.

„На высокой террасѣ надъ рѣкою были многія лимонныя и померанцовыя деревья, коихъ плоды, поспѣвая между цвѣтами, разливали по воздуху пріятное благовопіе. Сентъ-Обертъ присовокупилъ къ нимъ нѣсколько деревьевъ другого рода; тутъ подъ развѣсистымъ кленомъ, котораго вѣтви простирались на самую рѣку, онъ любилъ сидѣть въ прекрасные лѣтніе вечера между женою и дѣтьми своими. Сквозь листья онъ видѣлъ, какъ заходило солнце на краю горизонта, видѣлъ, какъ блистали послѣдніе его лучи, какъ они ослабѣвали и смѣшивали мало-помалу свои пурпуровые оттѣнки съ сѣроватымъ цвѣтомъ вечера. Тутъ также любилъ онъ читать, разговаривать съ г-жею Сентъ-Обертъ, заводить игру между своими дѣтьми и предаваться сладкимъ чувствованіямъ, обыкновеннымъ сопутникамъ простоты и природы. Часто гово-

¹⁾ „Таинства Удольфскія“, ч. III, стр. 179.

²⁾ Тамъ же, ч. III, стр. 121.

³⁾ Тамъ же, ч. III, стр. 19—21.

риль онъ самъ себѣ, проливая слезы, что сіи минуты во сто разъ были пріятнѣе шумныхъ удовольствій и буйныхъ волненій свѣта. Сердце его было довольно; онъ имѣлъ то преимущество столь рѣдкое, что не желалъ счастья болѣе того, коимъ онъ наслаждался. Чистота его совѣсти обнаруживалась въ самыхъ его поступкахъ, и разумъ его доставлялъ блескъ самому счастью... Совершенное окончаніе дня не удаляло его отъ любимаго его клена; ему пріятна была та минута, въ которую послѣдній свѣтъ угаснетъ, и звѣзды одна за одною показываются на тверди и отражаютъ лучи свои съ гладкой поверхности воды; сія трогательная и сладкая минута, въ которую расширенная душа раскрывается нѣжнѣйшимъ чувствованіямъ и высочайшимъ размышленіямъ“¹⁾.

Отмѣченная нами любовь къ контрастамъ побуждала иногда Радклифъ подчеркивать противорѣчіе настроенія героя съ окружающей его обстановкой. Въ такомъ положеніи представлена Эмилія Сентъ-Обертъ, вспоминающая своего покойнаго отца.

„Обремененная симъ воспоминаніемъ, она оставила яворъ и, опершись на стѣну террасы, увидѣла крестьянъ, съ веселіемъ пляшущихъ на берегу Гаронны, которой обширное пространство отражало послѣдніе лучи дня. Какое противоположеніе составляли они съ Эмиліей, несчастною и унылою. Она отворотилась; но увы! куда могла итти, не встрѣчаясь съ предметами, умножающими горестъ ея“²⁾.

II.

Романъ съ отличительными чертами творчества Радклифъ: съ фантастикой, сентиментализмомъ, моралью и т. п., не заглохъ въ Англии. Въ одно почти время съ появленіемъ произведеній англійской писательницы въ Германіи, быть можетъ, подъ влияніемъ Гетева „Гецца“, Шиллеровыхъ „Разбойниковъ“ и „Духовидца“ выпускались въ свѣтъ цѣлыя массы книгъ, „въ которыхъ шла рѣчь о рыцаряхъ, разбойникахъ, убійствахъ и привидѣніяхъ“. Наиболѣе извѣстными авторами въ этой области были Шписсъ, Вульпіусъ и Крамеръ³⁾. Они оказали сильное воздѣйствіе на нѣмецкое общество, очевидно склонное поддаваться литературному направленію, полному тумана и странной игры воображенія. Не уберется отъ подобнаго увлеченія даже знаменитый Людвигъ Тикъ, по совѣту своего наставника Рамбаха, сначала принявшій участіе въ составленіи романа „Желѣзная маска“⁴⁾, а затѣмъ напечатавшій раз-

1) „Тайнства Удольфскія“, ч. I, стр. 9—11.

2) Тамъ же, ч. I, стр. 242—243.

3) Время ихъ жизни падаетъ на вторую половину XVIII вѣка и первую десятилѣтія XIX-го.

4) Произведеніе, небезызвѣстное и въ Россіи, гдѣ въ 1820 году, въ Москвѣ, напечатана книга: „Любимецъ духовъ, истинное происшествіе во время португальской революціи, заимствованное изъ записокъ „Желѣзной маски“.

сказы: „Альмансуръ“ и „Абдаллахъ“, и трагедію „Карль фонъ Бернекъ“ — произведенія съ тѣми же достоинствами и недостатками, какіе встрѣчаются вообще въ твореніяхъ упомянутыхъ выше авторовъ ¹⁾. Въ извѣстномъ своемъ „Phantasia's“ Тикъ, вспоминая свои бывшія увлеченія, отъ имени одного дѣйствующаго лица Антона одобрительно отзывается о любимыхъ имъ въ юности книгахъ. Только что выздоровѣвшій Антонъ говоритъ своимъ пріятелямъ, какъ бодрило его во время болѣзни чтеніе причудливыхъ, странныхъ романовъ Шписса и въ какое восхищеніе приходилъ онъ отъ превосходнѣйшихъ рыцарскихъ романовъ Крамера ²⁾.

Интересъ къ этимъ романамъ, усиливаясь, перешелъ изъ Германіи во Францію, гдѣ переводили многія вещи Шписса, любили Вульпіуса и сравнительно менѣе пристрастились къ Крамеру ³⁾.

Въ Россіи стали также печатать переводы, причемъ починъ сдѣлала Москва, затѣмъ провинція (преимущественно городъ Орелъ) и, наконецъ, Петербургъ, который въ выпускѣ иностранныхъ сочиненій очень часто уступалъ первое мѣсто Первопрестольной. Многія лица, прослышавъ о предполагаемомъ изданіи какой-нибудь повѣсти или разсказа, заранѣе подписывались на нихъ. Такъ въ числѣ „особъ, благоволившихъ подписаться на книгу“: „Глоріозо, или атаманъ патріотъ“, сочиненную Вульпіусомъ, можно найти: почтоваго экспедитора Шмелева, извѣстнаго купца Ивана Глазунова, генераль-лейтенанта Нащокина и протоіерея Михаила Грузинскаго, которые, несмотря на то, что принадлежали къ различнымъ сословіямъ, занимали различное общественное положеніе и жили одинъ въ Москвѣ, другой въ Костромѣ, третій въ Новой Ладогѣ или Орловѣ на Вяткѣ — всѣ проявили однообразный вкусъ... Были и особые переводчики, спеціально слѣдившіе за появленіемъ фантастической литературы, каковъ, напримѣръ, нѣкій Александръ Бринкъ, имя котораго часто встрѣчается на обложкахъ изданныхъ на русскомъ языкѣ романовъ Шписса и Крамера; переводили также женщины и, за незнаніемъ языка, обращались иногда къ передѣлкамъ французскимъ. Шписсъ былъ наиболѣе популярнымъ и любимымъ писателемъ не только въ своемъ отечествѣ, но и во Франціи и Россіи, гдѣ было издано до двадцати его произведеній ⁴⁾ и гдѣ

¹⁾ Р. Гаймъ. Романтическая школа. М. 1891, пер. В. Невѣдомскаго, стр. 25—35.

²⁾ L. Tieck's Schriften. Berlin. 1828, Vierter Band, SS. 27—31.

³⁾ Quégard. La France littéraire, t. 2, p. 329; t. 9, p. 242; t. 10, p. 463. Указано 11 переведенныхъ произведеній Шписса; 7 — Вульпіуса и только одно Крамера.

⁴⁾ „Честное слово“, др. въ 5 д. (М. 1793); „Софія, или сумасшедшая отъ любви“ (М. 1801); „Генераль Шленстеймъ“, др. въ 4 д. (Спб. 1802); „Любовь и смѣлость“, ком. въ 3 д. (Смоленскъ 1802); „Горные духи“ (М. 1803); та же повѣсть персиз. подъ заглавіемъ: „Замокъ, или вертепъ духовъ въ дремучемъ лѣсу“ (М. 1816); „Федюша, или маленький савоецъ въ оверньскихъ горахъ“ (М. 1803); „Таинства древнихъ египтянъ“ (М. 1802—1803); „Ру-

его романъ „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ обратилъ на себя вниманіе Жуковскаго ¹⁾).

При громадномъ наплывѣ переводныхъ романовъ въ началѣ XIX вѣка и при полной безцеремонности, которая позволяла иногда неизвѣстному автору поставить на заглавномъ листѣ своего собственнаго произведенія имя, наиболѣе симпатичное для читателя, и выдать свою фабрикацію за переводъ съ иностраннаго языка, изслѣдователь иногда приходитъ въ естественное недоумѣніе, какія вещи приписать Шписсу, какія счастье за болѣе или менѣе удачную поддѣлку ²⁾). Несмотря на это, приглядываясь вообще къ творчеству Шписса, насколько оно проявилось въ произведеніяхъ, разошедшихся по Россіи, нельзя не отмѣтить двухъ характерныхъ чертъ. Съ одной стороны, ярко обнаруживается чисто фантастическое направленіе, отражающееся въ созданіи цѣлаго ряда сверхъестественныхъ героевъ и ихъ приключеній; съ другой — видно стремленіе автора, наподобіе Радклифъ, подыскать фантастичнымъ сюжетамъ естественное объясненіе и тѣмъ прикрѣпить ихъ къ реальной, правдивой почвѣ. Подъ первую категорію романовъ подходитъ: „Духъ, покровитель несчастныхъ, или тѣнь прекрасной Матильды, скитающаяся между живыми“ (М. 1820) и „Іоаннъ Хейлингъ, 4-ый и послѣдній владѣтель: земныхъ, воздушныхъ, огненныхъ и водяныхъ духовъ“ (Орель, 1822); подъ вторую — „Замокъ, или вертепъ духовъ въ дремучемъ лѣсу“ (М. 1803; 2 изд. — М. 1816) ³⁾).

Сюжеты, созданные Шписсомъ, поражаютъ своей причудливостію. Перескажемъ ихъ вкратцѣ, чтобы ознакомить со вкусами русскаго общества начала XIX вѣка. Дѣйствіе, изображенное въ произведеніи „Духъ, покровитель несчастныхъ“ (1814), происходитъ въ Германіи при Карлѣ Великомъ. Дочь рыцаря Матильда Эренбургъ, отвѣчая холодностью на предложенія искателей ея руки, была причиной самоубійства молодого воина Бенно фонъ-Рейнталь, приславшаго ей со смерт-

дольфъ фонъ-Вестенбургъ“, картины необузданныхъ страстей и т. д. (М. 1806); „Сентъ Елена и Монрозъ, или воздушныя приключенія“ (М. 1806), тоже подъ названіемъ: „Графъ С. . . ть“ (М. 1810); „Старикъ вездѣ или нигдѣ“ (М. 1809; 2 изд. М. 1817); Новѣйшія трогательныя повѣсти (М. 1809); Трагическій отрывокъ и т. д. (М. 1812); „Сумасшедшіе или гонимые судьбою“ (М. 1816); „Приключенія рыцаря Бенно фонъ-Эльзенбургъ“ (М. 1816); „Рыцари Льва“ (М. 1819); „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ (Орель, 1819); „Духъ, покровитель несчастныхъ“ (М. 1820); „Очарованное зеркало“ (М. 1821); „Мои путешествія по пропастямъ злосчастій“ (М. 1821); „Жизнь и дѣянія Якова Бухенштейна“ (М. 1822); „Іоаннъ Хейлингъ“ (Орель, 1822).

¹⁾ П. Загаринъ. Жуковскій и его произведенія. М. 1883, стр. 78—112.

²⁾ Ср. Колебанія Керара относительно романа „Бенно фонъ-Эльзенбургъ“. *La France littéraire*, t. 9, p. 242.

³⁾ Хотя переводы первыхъ двухъ романовъ относятся къ двадцатымъ годамъ XIX вѣка, но, принимая во вниманіе годъ смерти Шписса (1799), появленіе въ свѣтъ оригиналовъ надо отнести къ концу XVIII вѣка.

наго одра локонъ своихъ окровавленныхъ волосъ. Гордая красавица, пораженная несчастіемъ, внезапно скончалась, и послѣ смерти осуждена была Провидѣніемъ на скитаніе по землѣ въ видѣ тѣни для совершенія добрыхъ дѣлъ. Далѣе перечисляются поступки Матильды: заботы о незаконномъ сынѣ Бенно — Манфредѣ, о примиреніи родителей съ дѣтьми (Фельзенбургъ), объ избавленіи отъ казни юноши Вольфенштейна; ея попеченія о дальнѣйшей судьбѣ фельзенбургскихъ рыцарей—Рейнгальда, дочери его Агнессы и влюбленныхъ въ нее и благодаря этому враждующихъ между собою родныхъ братьевъ Танкмара и Готфрида, не разъ покушавшагося въ припадкѣ ревности на братоубійство. Матильда приводитъ на путь покаянія Готфрида и способствуетъ благополучію его и Танкмара. Окровавленный локонъ несчастнаго Бенно, висѣвшій постоянно на груди ея, измѣнилъ свой видъ: кровавыя пятна исчезли— что было знаменіемъ искупленія содѣянныхъ преступленій... И только тогда, за свои добрыя дѣла духъ получаетъ возможность прекратить земныя странствованія и успокоиться въ иномъ царствѣ.

Та же Германія и приблизительно та же эпоха (X-й вѣкъ) — мѣсто и время, къ которымъ относятся событія, развертывающіяся передъ читателемъ въ „Іоаннѣ Хейлингѣ“ (1798).

Герой романа, приемышъ довольно зажиточнаго человѣка, обратившій своимъ страннымъ появленіемъ на свѣтъ (его нашли сидящимъ на скалѣ) вниманіе маркграфа, владѣвшаго частью Баваріи, много испыталъ въ юности отъ второй жены своего повелителя, бѣжалъ въ лѣса, нашель пріютъ у разбойниковъ, отличался все время состраданіемъ къ несчастнымъ ограбленнымъ путешественникамъ. Находя ихъ ремесло противнымъ своей натурѣ, онъ бѣжалъ отъ разбойниковъ къ своему воспитателю Бартольду Хейлингу. Во время пребыванія у послѣдняго, Іоаннъ пошелъ однажды въ лѣсъ съ цѣлью отыскать пропавшихъ воловъ, нашель ихъ, но, изнуренный долгой ходьбой, легъ возлѣ чащи и заснулъ. Проснувшись ночью, онъ былъ очевидцемъ необычнаго зрѣлища... Около него проходили цѣлыя толпы „карловъ“—земныхъ, водяныхъ, огненныхъ и воздушныхъ духовъ, которыми, по рѣшенію судьбы, должны были владѣть простые смертные. Карлы только что похоронили своего повелителя, и при новыхъ выборахъ жребій палъ на Іоанна, такъ какъ онъ удовлетворилъ всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ царю духами; при этомъ оказалось, что онъ сынъ нимфы. Его перевели въ роскошные чертоги, вручили ему кольцо, которое давало возможность принимать какой угодно видъ, переноситься въ любое мѣсто, дѣлаться неуязвимымъ; наконецъ, онъ получилъ доступъ къ книгѣ судебъ, для него одного понятной. Онъ вмѣстѣ съ молодой женой Анной окончательно покинулъ воспитателя, а на свое мѣсто у Бартольда поставилъ юношу и дѣвушку, придавъ имъ видъ, схожій съ наружностью своей и женщиной. Получивъ власть, Іоаннъ дѣлаеть добрыя дѣла: примиряетъ императора Генриха съ бѣжавшею

отъ него дочерью Матильдой, вышедшей замужъ противъ воли отца за рыцаря Рудольфа; обращаетъ на путь покаянія разбойниковъ, котормъ нѣкогда прислуживалъ.

Добродѣтели Хейлинга, при его могуществѣ, встревожили адъ. Злой духъ Намареца, принявъ видъ земного карлы, обольстилъ Хейлинга и надѣлъ на его руку кольцо обмана. Хейлингъ получилъ превратный взглядъ на вещи. Вслѣдствіе этого, онъ началъ преслѣдовать родныхъ и подданныхъ, такъ какъ всѣ стали казаться ему измѣнниками; онъ обратилъ жену—красавицу въ гнуснѣйшую старуху, подвергъ заключенію мать—нимфу и вѣнценосныхъ духовъ разныхъ стихій. Въ это время онъ влюбляется въ американку Ксинти, но, по волѣ судьбы, принужденъ отдать ее любимому ею императору Перу. Утрата Ксинти меланхолически настроила Хейлинга, который сталъ каяться въ грѣхахъ и исправилъ свои злыя намѣренія... Несчастія его однако не прекращаются. Единственный сынъ Хейлинга похищенъ адской силой и подмѣненъ другимъ некрещеннымъ ребенкомъ Веніаминомъ, очень похожимъ на пропавшаго... Даже на некрещеннаго благотворно вліялъ Хейлингъ до тѣхъ поръ, пока мнимый сынъ не влюбился во внучку предшествоващаго повелителя духовъ, Олимпію, и не похитилъ, по ея наученію, чудодѣйственнаго отцовскаго кольца, которое сообщаетъ власть надъ карлами. Результаты хищенія были печальны: гибнетъ Олимпія, умираетъ жена Хейлинга, тонетъ Веніаминъ—и едва избѣгъ ужасной опасности самъ Хейлингъ, которому однако суждено найти, наконецъ, своего настоящаго сына... Заключительное дѣйствіе происходитъ въ аду: Вельзевулъ недоволенъ спасеніемъ Хейлинга и дѣйствіями Намарецы...

Исключительно—фантастическое направленіе пересказанныхъ нами повѣстей нѣсколько мѣняется въ „Замкѣ, или вертепѣ духовъ въ дремучемъ лѣсу“ (1797) ¹⁾. Здѣсь замѣтна склонность къ выясненію всѣхъ чудесныхъ явленій. Сюжетъ—простъ. Шайка разбойниковъ, жившая въ Спассадскомъ лѣсу ландграфства Гессенскаго, при к и д ы в а я с ь д у х а м и, о которыхъ шла страшная молва въ окрестностяхъ, шутила съ бѣднымъ поденщикомъ Иваномъ—Георгомъ и его дочерью Анетой. Впослѣдствіи, старикъ—атаманъ, узнавъ отъ нѣкоего Фрица о громадномъ наслѣдствѣ, оставленномъ богачомъ Билленбахомъ одному изъ своихъ родственниковъ, каковымъ и оказался Иванъ—Георгъ, посодѣйствовалъ женитьбѣ Фрица на Анетѣ, а самъ, получивъ крупную сумму денегъ, рѣшилъ бросить разбойничій промыселъ. Продѣлки разбойниковъ

¹⁾ Русскій переводчикъ этого произведенія выбралъ къ нему эпиграфомъ слѣдующіе стихи изъ „Громвала“ Каменева:

Тамъ въ страшныхъ забавахъ проходитъ полночь;
 Воли ихъ, клии ужаснѣй гремятъ.
 Но лишь утра предвѣстникъ три раза пропѣлъ,
 Исчезаютъ вмгъ духи, скелеты...

съ поденщикомъ отличаются столь необычайнымъ характеромъ, что натянутое объясненіе ихъ, какъ исполнѣ естественныхъ дѣйствій обыкновенныхъ людей, не уничтожаетъ фантастическаго колорита.

Таковы сюжеты романовъ Шписса.

Средневѣковая обстановка, въ которой выступаютъ передъ читателемъ дѣйствующія лица, выдержана мѣстами недурно: здѣсь и старинные рыцарскіе замки, и простыя деревни; здѣсь пышный дворъ императора, военные подвиги и мирныя сельскія занятія, прерываемыя разными внутренними неурядицами, преимущественно разбоями... Въ угрюмыхъ горныхъ ущельяхъ или на лонѣ благодатной природы: на освѣщенныхъ солнцемъ поляхъ или въ тѣнистой дубравѣ, возникаютъ или оканчиваются сложныя и запутанныя происшествія... То рыцарь, безнадежно влюбленный въ даму сердца, кончаетъ самоубійствомъ свое брненное существованіе (Бенно Рейнталь); то—наоборотъ, подъ вліяніемъ мучительнаго чувства ревности, принужденный уступить мѣсто другому, строитъ козни послѣднему (Готфридъ); то сластолюбивый монахъ, наружно прикидывающійся благочестивымъ, заманиваетъ въ свои сѣти бѣдную дѣвушку, хочетъ лишить ее невинности—и остановленъ чудеснымъ вмѣшательствомъ скитающагося по землѣ духа Матильды (Анзельмо, Гильдебрантъ); то разбойникъ, грабящій по большимъ дорогамъ, попавъ во власть всемогущаго Хейлинга, со скрежетомъ зубнымъ смиряется и принужденъ вести иной образъ жизни... Женскіе типы иного характера... Обыкновенно передъ нами дѣвушка кроткая, добродѣтельная, изнывающая въ разлукѣ съ любовникомъ, соединиться съ которымъ препятствуютъ или отъѣздъ его, или злая воля родственниковъ, заключившихъ ее въ крѣпкія монастырскія стѣны (Гедвика, Агнесса, Матильда, дочь императора Генриха); заламываетъ она бѣлыя руки, обливается горькими слезами, забываетъ веселыя пѣсни юности и игру на лютнѣ или арфѣ... Но всегда удается ей найти выходъ изъ ея положенія, а иногда изъ—подъ надзора бдительныхъ монахинь; она не выноситъ тяжелыхъ потрясеній и увядаетъ на глазахъ милого сердцу, который вырываетъ ей могилу...

Таинственные духи или тѣни умершихъ являются непремѣнными героями, наравнѣ съ обыкновенными людьми... При необычайно фантастическихъ условіяхъ являются они живущимъ... Гроза разыгралась, когда предстала тѣнь Матильды передъ ужаснувшимся Готфридомъ. „Вдругъ въ комнатѣ блеснула молнія, окна затряслись, и голубой дымъ пробудилъ Готфрида отъ страшныхъ мечтаній. Передъ постелью его стояла красавица, держа въ правой рукѣ свѣчу, а въ лѣвой свитокъ тонкаго пергамента. Гнѣвъ изображался на величественномъ челѣ ея, и она свирѣпымъ взоромъ смотрѣла на испугавшагося рыцаря“¹⁾.

Не менѣе удивительное зрѣлище представляло похоронное шествіе стихійныхъ духовъ, которыхъ увидѣлъ Хейлингъ.

¹⁾ „Духъ, покровитель несчастныхъ“. М. 1820, ч. II, стр. 165—166.

Вся пустынная лѣсная окрестность оживилась... Масса маленькихъ существъ двигалась въ разныхъ сторонахъ; они несли небольшія знамена, развѣвающіяся по вѣтру, и были сами величиною почти въ одинъ локоть. „Ихъ столь маленькій видъ возбудилъ удивленіе Іоанна, которое вскорѣ еще больше увеличилось, когда онъ надъ этими карлами увидѣлъ столь же маленькихъ, но летающихъ существъ, которыя на маленькихъ своихъ крыльяхъ парили въ воздухѣ“... Въ волнахъ текущей рѣки можно было замѣтить также небольшихъ плескавшихся существъ; на землю, между тѣмъ, спускались другіе ряды гномовъ огненного цвѣта, образующихъ живую полосу пламени... Раздавалась похоронная, унылая музыка, исполненная печали и трогаящая сердце... Изъ пещеры, находящейся въ скалѣ, появился гробъ, несомый карлами. „На гробѣ, который покрытъ былъ золотою и серебряною парчею, лежала большая книга и была также переплетена въ золото и серебро; на краяхъ ея блистали пестрые драгоценные камни, и четыре большія печати, вдѣланныя въ золотыхъ чашахъ, висѣли по краямъ книги и были спущены съ гроба“¹⁾.

Картины природы, которыя рисуются Шписсомъ, соотвѣтствуютъ настроенію дѣйствующихъ лицъ... Непогода предвѣщаетъ печаль... „Изъ-за темно-сизыхъ облаковъ явилось на утро солнце, облеченное слабымъ туманомъ, какъ покровомъ; казалось, оно сѣтовало, что будетъ свидѣтелемъ печальныхъ сценъ, долженствовавшихъ явиться съ наступленіемъ утра,—сѣверный вѣтеръ страшно ревѣлъ по опустѣлымъ полямъ, совы и филины воспѣвали ужасную пѣсню въ развалинахъ Св. Маріи;—но несчастная Агнесса не страшилась бури“²⁾...

Иное дѣло, когда изображается идиллія семейнаго счастья. Природа ликуетъ вмѣстѣ съ ликованіемъ блаженствующихъ людей, „проливающихъ отъ радости слезы“³⁾. Вотъ одна изъ сентиментальныхъ идиллій. „Добрыя сестры сживали вмѣстѣ, занимаясь тканьемъ или пряжею, между тѣмъ какъ братья ходили на охоту; добрый старецъ, садился къ ихъ супругамъ, рассказывалъ небылицы; или качалъ дѣтей ихъ—и тогда они чувствовали, что счастье ихъ было совершенно. Пріятные лѣтніе вечера владычествовали тогда въ странѣ, прохладный воздухъ уменьшалъ жаръ дневной, а вечеромъ сіяла луна на горизонтѣ“⁴⁾.

Морали отведено подобающее мѣсто на страницахъ произведеній Шписса. Идея покаянія красной нитью проходитъ по всѣмъ сюжетамъ. Не одно сознаніе грѣховности своихъ поступковъ, но и искупленіе ихъ добрыми дѣлами и тяжелыми подвигами—вотъ требованія, предъявляе-

¹⁾ „Іоаннъ Хейлингъ“. Орель, 1822, ч. I, стр. 62—72.

²⁾ „Духъ покровитель“, ч. II, стр. 139—140.

³⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 82—83.

⁴⁾ Тамъ же, ч. III, стр. 206—208.

мыя Божественнымъ Провидѣніемъ ¹⁾ къ Матильдѣ, Готфриду, Хейлингу, разбойникамъ... И только послѣ долгихъ странствованій по землѣ и цѣлаго ряда благодѣлій, оказанныхъ страждущему человѣчеству, могутъ бѣдные скитальцы вздохнуть съ облегченіемъ, и миръ нисходитъ въ истерзанныя страданіями души...

Отмѣченныя нами черты достаточно характеризуютъ романы Шписса, который имѣлъ литературныхъ соавторщицъ — авторовъ однородныхъ твореній. Крамеръ и Вульпиусъ шли по одной съ нимъ дорогѣ ²⁾... Вотъ сюжеты нѣкоторыхъ изданныхъ ими романовъ...

Въ произведеніи Крамера: „Жизнь, мѣтнія и странныя приключенія Эразма Шлейхера“ (Leipzig, 1789) изображаются похождения главнаго героя — странствующаго механика, который особенно горячо привязывается къ пріютившему его графу Францу фонъ-Эрихо и его прекрасной дочкѣ Аврорѣ. Живя у своего покровителя — важнаго сановника одного изъ германскихъ герцогствъ, Эразмъ узнаетъ, что Аврора влюблена въ простаго егеря Коралли. Желая помочь влюбленнымъ и способствовать ихъ скорѣйшему соединенію, нашъ механикъ отправляется путешествовать по Европѣ съ цѣлью узнать, кто отецъ Коралли, который считался человѣкомъ безъ роду и имени. Никакія скитальчества, соединенныя съ лишеніями, никакія опасности не могутъ отвратить умнаго и ловкаго Шлейхера отъ исполненія его намѣренія. Его энергическіе розыски увѣнчались успѣхомъ: оказывается, что отцомъ Коралли былъ нѣкій Пизонъ, сынъ владѣтельнаго государя, самъ нѣкогда царствовавшій въ Азорѣ, а потомъ жившій въ уединеніи гдѣ-то близъ

¹⁾ Провидѣніе и Судьба играютъ немаловажную роль у Шписса. Стоитъ вспомнить грозный гласъ съ неба, напоминающій Матильдѣ объ ея обязанностяхъ, и книгу Судьбы, въ которую заглядывалъ въ затруднительныхъ случаяхъ Іоаннъ Хейлингъ.

²⁾ Произведенія ихъ, особенно Вульпиуса, были переводимы на французскій языкъ. См. Керара, т. 10, стр. 463 или т. 2, стр. 329. На рускомъ языкѣ появились слѣдующіе романы того и другого. Вульпиусъ: „Ринальдо Ринальдини“ (М. 1802—1803; 2 изд. Спб. 1818); „Глоріозо“ (М. 1806); „Прекрасная Шарлотта“ (М. 1809); „Жена разбойника“ (М. 1815; 2 изд. — М. 1818); „Густавъ Моральдино“ (М. 1819); „Бобелина“ (М. 1823).

Крамеръ: „Жизнь и странныя приключенія Эразма Шлейхера“ (М. 1802; 2 изд. — М. 1817); „Феликсъ, или сынъ любви“ и т. д. (М. 1806); „Езучтъ, или герой своего времени“ (М. 1807); „Бѣдный Егоръ“ (М. 1807; 2 изд. — Орель, 1824); „Жизнь, мысли и странныя приключенія Павла Изоба“ (М. 1813—1814); „Вѣкъ живи, вѣкъ учись“ (М. 1817); „Остроумная выдумка“ (М. 1821); „Таинственная странница“ (М. 1822).

Ср. „Мертвыя души“ Гоголя. Спб. 1893, т. IV, стр. 205: „Да вѣдь нѣтъ, Анна Григорьевна, совсѣмъ не то, что вы полагаете. Вообразите себѣ только то, что является вооруженный съ ногъ до головы въ родѣ Ринальда Ринальдина и требуетъ: „Продайте“, говоритъ, „всѣ мертвыя души, которыя умерли“...—А. А. Бестужевъ-Марлинскій въ ранней молодости, пользуясь библіотекой отца, зачитывался романомъ „Ринальдо Ринальдини“. См. Русское Богатство, 1902, № 5, стр. 43.

Италии. Благодаря смѣтливости Шлейхера, Пизонъ сведенъ съ Коралли, призналъ его своимъ сыномъ—и произведеніе кончается свадьбой молодыхъ любовниковъ, которыхъ прежде такъ жестоко разъединило неравенство въ общественномъ положеніи.

Иныя дѣйствующія лица и иныя событія—въ книгѣ Вульпіуса: „Глоріозо, или атаманъ патріотъ“ ¹⁾ (Rudolstadt, 1800), принадлежащей къ категоріи популярныхъ въ свое время разбойничьихъ романовъ. Передъ читателемъ вырастаетъ довольно хорошо очерченная авторомъ фигура извѣстнаго итальянскаго бандита, наводящаго панику на мирныхъ гражданъ. Онъ смѣло дерется съ высланными для его поимки драгунами, открыто убиваетъ въ трактирѣ збирровъ, переряживается въ ихъ платьѣ, ѣздитъ яко-бы для поимки самого себя, поселяется въ дѣвичьемъ монастырѣ, обираетъ драгоценности съ иконъ, соблазняетъ молодую монахиню—и таинственно исчезаетъ... Глоріозо носитъ прозвище „великаго бѣса“, путешествуетъ по всей Италиі, заводитъ разныя любовныя интрижки и съ простыми крестьянками (Лизена), и со свѣтскими дѣвушками и дамами (Целестина, Витторія, Серафина)—вступаетъ въ романическія отношенія даже съ племянницей одного тунисскаго владѣтеля Иссуфа... Когда Италія, вовлеченная въ войну съ Франціей, находилась въ критическомъ положеніи, Глоріозо проявилъ особенный патріотизмъ: вызвался защищать отечество, выказалъ удивительныя стратегическія способности и необычайную храбрость, заслужилъ чинъ полковника и милость короля, подарившаго ему въ награду помѣстье... По окончаніи войны Глоріозо женится на прекрасной Мирандѣ, освобожденной имъ изъ заключенія въ подземельи одного замка, перестаетъ заниматься прежнимъ ремесломъ и становится вѣрнымъ и честнымъ слугою своего государя. Хорошія стороны его натуры берутъ верхъ надъ необузданными страстями и разгуломъ: Глоріозо не разъ доказываетъ на дѣлѣ стойкость своихъ религіозныхъ убѣжденій и открыто заявляетъ, что онъ прогналъ изъ себя бѣса и привязался къ добродѣтельнымъ поступкамъ.

Оба романа, содержаніе которыхъ мы изложили, отличаются отъ Шписсовыхъ твореній извѣстною склонностію къ реализму. „Я не виновать“, пишетъ Крамеръ: „если дѣйствующіе въ моей исторіи люди покажутся вамъ настоящими людьми, а не ангелами и не чертами... И самому великому Строителю невозможно было потопомъ своимъ передѣлать людей въ ангеловъ; а какой-нибудь молокососъ, которому люди или слишкомъ много, или мало нравятся, садится за столъ, очиниваетъ перышко—и дѣлаетъ ангеловъ, сколько душѣ его угодно; но я этого

¹⁾ Припомнимъ русскій романъ Н. И. Гнѣдича: „Донъ Коррадо де Геррера, или духъ мщенія и гордости гишпанцевъ“ (М. 1803), похожій на произведеніе Вульпіуса.

не сдѣлаю...“¹⁾. Цѣль же преслѣдуемая авторами, при выпускѣ въ свѣтъ подобныхъ произведеній, большею частію—нравоучительная. Обыкновенно, герой терпитъ бѣдствія и лишения, а затѣмъ награждается судьбой за проявленныя имъ въ страданіяхъ нравственныя качества (Аврора и Коралли); или же, онъ „вступаетъ на стезю порока, долго шествуетъ по ней“... но „случай ему улыбается“, герой, „увѣнчанный лаврами“ за высокіе подвиги, „истребляетъ воспоминаніе о своихъ преступленіяхъ, заставляетъ любить и почитать себя“²⁾.

Вульпіусъ и Крамеръ воспитали свой вкусъ на чтеніи англійскихъ и французскихъ сентименталистовъ; таковы и выведенныя ими дѣйствующія лица, которыя часто упоминаютъ то объ одномъ, то о другомъ чувствительномъ писателѣ... Приводимъ двѣ сцены сердечныхъ изліяній. „Графиня!“ сказалъ онъ: „вы всегда бывали душою вашихъ друзей: если вы смѣетесь, то всякій прыгаетъ, а если печалитесь, то „Юнговы ночи“ покажутся Эйленшпигелевыми рассказами въ сравненіи съ тѣми чувствами, которыя ощущаешь и которыя сильно гонятъ кровь къ сердцу“³⁾. Или: „Прошлаго года, 17-го августа... никогда не забуду я сего славнаго и несчастнаго дня! Казалось, что онъ былъ созданъ для соединенія двухъ сердець; тихій, величественный день! Возвращаясь изъ лѣсу рано, нашель я ее уже въ саду. Въ глубокой задумчивости сидѣла она въ маленькой бесѣдкѣ за столикомъ и, казалось, читала Руссо, который лежалъ подлѣ нея. Чувствительность видима была ясно на ея лицѣ, и слеза сверкала на глазахъ. Судіи человѣческихъ дѣяній! Скажите, можно ли было мнѣ удержать свое хладнокровіе“⁴⁾?

Романтическіе нѣмецкіе писатели также симпатичны Крамеру, который восклицаетъ: „Шиллеръ—мой point de vue, Фридрихъ Шиллеръ“⁵⁾.

Герои романовъ Крамера и Вульпіуса — скитальцы, перекочевывающіе изъ одной страны въ другую и ведущіе борьбу съ разными препятствіями. Здѣсь можно встрѣтить и разбойника, наводящаго панику на окрестности (Глоріозо, бродяги, злоумышляющіе противъ Шлейхера), и хитроумнаго механика (Шлейхеръ), и отставнаго придворнаго шута, превратившагося въ странствующаго бандуриста, питающагося подаяніемъ (Павель Изопъ). Иногда попадаютъ типы монаховъ, предающихся излишествамъ, расхаживающихъ въ бархатныхъ рясахъ, прово-

1) „Жизнь, мнѣнія и странныя приключенія Эразма Шлейхера“. Пер. съ нѣмец. М. 1802, ч. I, стр. XI—XIII. Реализмъ позволялъ вводить комическія бытовыя сцены, которыя встрѣчаются у Крамера и Вульпіуса чаще, чѣмъ у Шписса. Ср. цитованный романъ, ч. I, стр. 166, 192 и т. д.; также „Глоріозо“ (passim).

2) „Глоріозо“. Пер. съ нѣмец. М. 1806, кн. I, стр. VII и VIII.

3) „Жизнь Шлейхера“, ч. I, стр. 140—141.

4) Тамъ же, ч. I, стр. 249.

5) Тамъ же, ч. I, стр. XIII.

дящихъ время въ удивительныхъ пиршествахъ и преслѣдующихъ, подь маской смиренія, корыстолюбивые, низкіе расчеты (настоятель Пампино, аббатъ Бернардинскихъ монаховъ); выставляется типъ падшей женщины, которая, испытавъ чистое чувство любви, отказывается отъ своей распущенной, празднои жизни и окружающей ее роскоши и становится честной женщиной, примѣрной семьянинкой (Серафина); рисуется, наконецъ, образъ молодой плѣнительной красавицы, изнывающей отъ невозможности вступить въ бракъ съ дорогимъ ей любовникомъ по неравенству состоянія и общественнаго положенія (Аврора, Коралли)...

Несмотря на наклонность нашихъ писателей къ реализму, у нихъ не совсѣмъ ослабѣлъ фантастическій элементъ. Въ жизнь и дѣйствія людей возможно вмѣшательство умершихъ, являющихся своимъ бывшимъ друзьямъ или врагамъ. Такъ механикъ Шлейхеръ имѣлъ странныя свиданія съ нѣкогда имъ любимой и давно уже умершей Біанкой ¹⁾. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, проскальзываетъ въ иныхъ мѣстахъ ироническое отношеніе автора къ таинственнымъ явленіямъ, которыя могутъ быть объяснены естественнымъ образомъ: старикъ Изопъ, знакомый со средствами отводить глаза при помощи опиума, наведенія зеркалъ, приводитъ въ ужасъ солдатъ, старающихся захватить Шлейхера ²⁾.

Разсказъ о различныхъ необычайныхъ приключеніяхъ перемѣшивается съ описаніями природы и картинами: мрачными, во вкусѣ Юнга, или свѣтлыми, въ духѣ Томсона, Руссо.

Описывается чудный замокъ. Владѣлецъ его Маршесъ, убившій изъ ревности свою возлюбленную, терзается угрызениями совѣсти; онъ впалъ въ безнадежную, мрачную меланхолію; не можетъ разстаться съ набальзамированнымъ тѣломъ своей Фіорлизы и заводитъ у себя странныя сцены покаянія... Гроза свирѣпствуетъ за стѣнами замка, капли дождя шумятъ по крышѣ, отъ нашедшихъ тучъ темнѣетъ, — а въ покояхъ Маршеса „куранты играютъ печальную мелодію“, идутъ два мальчика, въ черномъ одѣяніи, съ распятіемъ и книгой въ рукахъ, и „поютъ въ тонъ курантовъ плѣнительнымъ голосомъ“:

„Ты въ жизни лучшей
Ее найдешь;
Покой чистѣйшій
Приобрѣтешь;
Она душевно
Простягъ тебя,
Нелицемѣрно
И нѣжно любя“.

¹⁾ „Жизнь Шлейхера“, ч. I, стр. 303—304.

²⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 28—29.

Маршесъ беретъ распятіе и книгу—и молится усердно.
„Куранты заиграли другой голосъ, и мальчики пѣли“:

„Тамъ изъ мирныхъ странъ сіяетъ,
Блещетъ свѣтлая звѣзда;
Путь твой темный освѣщаетъ,
Ищеть твоего слѣда.
Ангель приметъ твою руку
И къ сіянью поведетъ;
Ты забудешь горестъ, муку,
И печаль твоя минетъ“¹⁾.

Мѣняется настроеніе романиста,—и передъ нами иная картина.

„Буря прошла, а съ нею и солнечный зной. Пріятнѣйшая прохлада разлилась по всей природѣ, и тихій дождь усладилъ жаждущихъ. Каждая травка наполнилась своею силой, каждый цвѣточекъ расцвѣлъ великолѣпнѣе, и нѣжно журчащій соловей прыгалъ въ густотѣ кустарника и искалъ своей ропщущей подружки“²⁾.

III.

Параллельно съ развитіемъ нѣмецкихъ романовъ Шписса, Крамера и Вульпіуса, появились однородныя произведенія во Франціи. Среди писателей второй половины XVIII-го вѣка особеннаго вниманія заслуживаютъ Франсуа Дюкре-Дюминиль (1761—1819) и Жанъ-Пьеръ-Кларисъ де Флоріанъ (1755—1794). Первый изъ нихъ былъ авторомъ большого числа сентиментальныхъ и поучительныхъ повѣстей, а также рассказовъ для дѣтей; второй, являющійся однимъ изъ послѣднихъ представителей французскаго классицизма, извѣстный въ свое время подражатель Сервантеса и Лафонтена, написалъ рядъ романовъ, изъ которыхъ особенно популярны „Нума Помпиль“, „Гонзалвъ Кордовскій“, „Вильгельмъ Телль“. Произведенія обоихъ романистовъ пользовались извѣстностью и за предѣлами ихъ отечества: русское общество относилось къ нимъ съ большимъ вниманіемъ, что способствовало распространенію переводовъ съ французскаго³⁾. Самымъ замѣчательнымъ

¹⁾ „Глоріозо“, ч. I, стр. 82—88.

²⁾ „Жизнь Шлейхера“, ч. I, стр. 188—189. Страсть къ контрастамъ проявляется и въ изображеніи человѣческаго характера: „Глоріозо вмѣшалъ въ себѣ пороки и добродѣтели, былъ страшный разбойническій атаманъ, храбрый и любимый полководецъ. Какой контрастъ!“ См. „Глоріозо“, кн. I, стр. VIII.

³⁾ Переводы романовъ Дюкре-Дюминиль по смирдинской росписи съ повѣркой по Керару (т. 2, стр. 633): „Алексисъ, или домикъ въ лѣсу“ (М. 1794; М. 1800; М. 1804); „Вечернія бесѣды въ хижинѣ, или наставленія престарѣлаго отца“ (М. 1798—99; М. 1807; Харьковъ, 1819—20); „Викторъ, или дитя въ лѣсу“ (М. 1799—1800; М. 1801; Орелъ, 1821); „Поль, или оставленная аренда“ (М. 1802—3); „Целина, или дитя тайны“ (М. 1802—3; 1807); „Вечера моей бабушки“ (М. 1802—3); „Елмонда, или дочь гостиницы“ (М. 1808—9; М. 1816—1817); „Источникъ св. Екатерины“ (М. 1820); „Емпія, или вечера моего отца“ (М. 1821) и др.

романомъ Дюкре-Дюминилля считался „Викторъ, или дитя въ лѣсу“ (1791), выдержавшій не менѣе одиннадцати изданій во Франци и три изданія въ Россіи, вышедшія въ Москвѣ (два) и Орлѣ (одно). На анализѣ его, въ виду указанныхъ обстоятельствъ, останавливаемъ вниманіе читателя. Сюжетъ романа слѣдующій.

Событія происходятъ въ Германіи, въ XVII-мъ столѣтіи. У барона Фрицерна была дочь Клеменція и усыновленный имъ пріемышъ, Викторъ. Молодые люди полюбили другъ друга страстно, и баронъ хотѣлъ способствовать ихъ соединенію. Случайно открывається, что отецъ Виктора—извѣстный разбойникъ Рожеръ, гроза окрестностей, который уже осаждалъ замокъ Фрицерна. Баронъ содрогается при мысли имѣть зятемъ сына злодѣя... и соглашается выполнить свое обѣщаніе, если Викторъ обратитъ Рожера на путь истины и заставитъ его вести честный образъ жизни. Викторъ отправляется къ отцу, который встрѣчаетъ его съ радостью, но бѣдный юноша не успѣваетъ въ своемъ намѣреніи и съ отчаянія идетъ странствовать... Между тѣмъ Клеменція, не дождавшись возвращенія Виктора, убѣгаетъ изъ дома Фрицерна, чтобы постричься въ монахини. Баронъ въ отчаяніи ищетъ дочь и пріемнаго сына. Поиски его неудачны. Въ это время судьба сводитъ Виктора съ Клеменціей... Любовники были счастливы, — по вслѣдствіе распущенной молвы о происхожденіи Виктора, послѣдній попадаетъ въ тюрьму, видится тамъ съ попавшимъ въ руки правосудія Рожеромъ наканунѣ его казни,—и получаетъ свободу благодаря заступничеству Клеменціи. Заключение Виктора въ тюрьму замедлило возвращеніе его возлюбленной подъ родительскій кровъ... Удрученный несчастіями, Фрицерна умеръ отъ печали, и молодые люди могли соединиться только послѣ его кончины. Добродѣтель восторжествовала надъ всѣми препятствіями, такъ какъ на смертномъ одрѣ баронъ благословилъ союзъ Виктора и Клеменціи.

Лучшія переводныя и оригинальныя произведенія Флоріана: „Нума Помпилій“, второй царь римскій (Спб. 1788; Спб. 1799); „Эстела“, пастушеская повѣсть (Спб. 1789; М. 1789); „Галатея“, пастушеская повѣсть (М. 1790; Спб. 1799); „Гонзальвъ Кордуанскій“ (Спб. 1793; Спб. 1818); „Леокадія“ (Спб. 1794); „Санкъ, португальская повѣсть“ (М. 1801); „Вильгельмъ Телль, или освобожденная Швейцарія“ (М. 1802; М. 1817); „Донъ Кихотъ Ла-Манхскій“ (пер. Флоріана — М. 1805; М. 1815); „Елизеръ и Нефеалимъ“ (Спб. 1808); „Батменди“ (Спб. 1818); „Валерія“ (Спб. 1819) и многія другія.

Объ увлеченіи общества Дюкре-Дюминиллемъ см. „Записки“ Ксен. Полевого. Спб. 1888, стр. 15: „Мать (Н. А. Полевого) — набожная и вмѣстѣ увлекающаяся романами душа, сама безотчетная героиня романа своей жизни: она жила только въ своемъ семействѣ и въ романическомъ мірѣ, такъ что даже многихъ знакомыхъ называла именами героевъ и героинь Ричардсона, Жан-Лисъ и Дюкре—Дюминилля“.

Дюкре-Дюминиль, повидимому, очень интересовался нѣмецкими поэтами; въ третьей части разбираемаго нами романа онъ трогательно обращается къ Шиллеру и Гете, просить ихъ и англійскихъ пѣвцовъ, „прославившихъ себя новостью мыслей, живыми красками положеній, начертаніемъ характеровъ и силою занимательности“, „одушевить его слабую лиру“ и „дать ему кисть ихъ“... Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ указываетъ и на свои особенности, отличающія его отъ нѣмецкой школы: онъ—не изобрѣтатель сюжетовъ, онъ не поддается силѣ воображенія до такой степени, чтобы „помѣщать вездѣ мечту на мѣсто существенности, вѣроятность на мѣсто истины“... Въ „Викторѣ“ надо видѣть „справедливую исторію“, въ которой „нельзя ничего перемѣнить и ничего убавить“¹⁾; излагаемая здѣсь „дѣйствительныя несчастія“ и происшествія не могутъ быть смѣшиваемы „съ тѣми повѣстями баснословными, ложными, увеличенными, неправдоподобными, кои мы находимъ въ романахъ и кои не находятъ другого предмета, кромѣ того, чтобы насъ утратить, не трогая сердца и не достигая до моральной цѣли“²⁾.

Этой именно цѣлью и задался Дюкре-Дюминиль, пожелавшій „доказать, что добродѣтель превыше всѣхъ происшествій, что она умѣетъ презирать удары жребія и гоненія злобы человѣческой, что она всегда высока, величественна, даже и тогда, когда она по несчастію падаетъ подъ усиліями порока“³⁾.

Картина, нарисованная авторомъ въ его произведеніи — во вкусѣ Шписса, Крамера и Вульпіуса. Въ центрѣ — два главные героя: Клеменція и Викторъ, богатая наслѣдница владѣтельнаго барона и бѣдный пріемышъ безъ роду и племени; неравенство положенія препятствуетъ ихъ соединенію. Второстепенныя дѣйствующія лица — или баронъ — рыцарь, живущій въ средневѣковомъ замкѣ (Фрицернѣ), или ужасный злодѣй-разбойникъ (Рожеръ), или монахиня Бельворнскаго монастыря (Софья)... Иные изъ нихъ борются съ препятствіями для достиженія земного благополучія, иные странствуютъ съ уязвленнымъ печалью сердцемъ, иные должны оставить свой грѣховный образъ жизни и принести покаяніе въ своихъ прегрѣшеніяхъ... Несчастливая любовница, разлученная смертью съ другомъ сердца, переноситъ свои упованія въ загробную жизнь; она думаетъ соединиться съ „милою, окровавленной тѣнью“, несмотря на всѣ козни разлучителей⁴⁾. Изображающій такія сцены авторъ самъ проникается чувствительностію: онъ изливаетъ свои душевныя волненія, иногда представляетъ событія въ розовомъ, идилическомъ свѣтѣ, иногда сгущаетъ черныя краски, и соз-

1) „Викторъ, или дитя въ лѣсу“. М. 1801, ч. 3, стр. 5 — 6; ч. 4, стр. 109.

2) Тамъ же, ч. I, стр. 225—226.

3) Тамъ же, ч. I, стр. 5.

4) Тамъ же, ч. I, стр. 183.

дасть эпизоды, полные ужаса... „Сердца, пламенѣющія дружбою!“ восклицаетъ Дюкре-Дюминиль: „сколь вы изящны, величественны! какъ вы трогаете мою душу, и какъ было бы для меня пріятно, если бъ я могъ воспѣть ваше блаженство! Но, увя! сія судьба нарочно опредѣлена добродѣтели: сердца нѣжныя должны быть злополучны; они имѣютъ столько случаевъ страдать отъ своенравія, страстей и жестокости большей части людей. Если должно быть нечувствительнымъ, чтобы наслаждаться счастьемъ, то доброе сердце есть горестнѣйшій даръ природы“¹⁾).

Сентиментально настроенный Дюкре-Дюминиль съ любовью изображаетъ природу: „Ночь пробѣжала уже на черной своей колесницѣ половину своего поприща; крылатые пѣвцы роцъ всѣ заснули, ожидая въ безмолвіи возвращенія зари, которую должны они поздравлять своимъ пѣніемъ“²⁾). Или: „Бьетъ полночь!.. Священная тишина заступаетъ мѣсто городского шума, конскаго ржанія и веселыхъ пѣсенъ поселянъ... Сонъ простираетъ мрачныя свои крыла надъ поверхностью нашего полушарія; онъ стряхиваетъ съ нихъ мракъ... и мечты! мечты! кои часто продолжаютъ только страданія злосчастнаго, между тѣмъ какъ представляютъ онѣ счастливому человѣку пріятныя картины, кои наслаждался онъ во время дня. Въ сію минуту предаются покою всѣ смертныя; въ сію минуту терзается горестью юный Викторъ“³⁾).

Бываютъ и другія картины; въ нихъ все мрачно и уныло. Состояніе природы соотвѣтствуетъ смятенію въ душѣ человѣка. „Ночь была темна, небо было покрыто облаками, кои казались предшественниками бури; уже молнія, сверкавшая на востокѣ, возвѣщала, что сіи огненные облака скрываютъ въ нѣдрахъ своихъ громъ и что вся натура немедленно будетъ предана ужаснѣйшимъ ударамъ. Ничто не можетъ удержатъ Виктора; онъ возвращается къ стѣнамъ замка, ищетъ окна у той комнаты, гдѣ безъ сомнѣнія покоится Клеменція безмятежно и кротко, садится на дерновомъ пригоркѣ и поетъ ей самымъ трогательнымъ голосомъ слѣдующій романсъ, въ которомъ помѣстилъ онъ печальное свое прощаніе:

„О ты, красавица прелестна.
Ты спишь! и кроткія мечты,
Пріятный сонъ твой осѣняетъ,
Тебѣ являютъ счастья видъ.
Но я, терзаемый тоскою,
Покоя, сладостей лишася,
Хочу бѣжать—куда? не знаю!
Хочу сказать тебѣ—прости!“
и т. д. ⁴⁾).

1) „Викторъ, или дитя въ лѣсу“, ч. 4, стр. 74—75. Ср. тамъ же, ч. 2, стр. 267—268.

2) Тамъ же, ч. 4, стр. 17—18.

3) Тамъ же, ч. I, стр. 7—8. Ср. ч. 4, стр. 146—147.

4) Тамъ же, ч. I, стр. 93—95.

Отъ этой сцены трогательнаго прощанія печальнаго юноши авторъ переноситъ читателя въ темное подземелье Бельвернскаго игуменства, уставленное гробницами неудачныхъ любовниковъ. Вотъ одна изъ этихъ гробницъ, „простая и безъ всякаго великолѣпія, высѣченная только на камнѣ и совершенно раскрытая. Въ ней лежало мертвое тѣло, коего черты не были еще обезображены, и можно было рассмотреть, что оно было трупъ молодой дѣвицы, которая имѣла прекрасное лицо. Портретъ былъ приложенъ къ устамъ ея, который, казалось, она цѣловала; она держала одною рукою сей портретъ, совершенно потерявшій видъ свой, а другою поддерживала мраморную доску, на которой было вырѣзано: „Сердце его лежитъ при моемъ сердцѣ; волосы его служатъ подголовьемъ волосамъ моимъ. Леопольдъ почиваетъ здѣсь съ своею Александриною. Оба они, будучи постоянны, разлучены и гонимы сильнымъ и ревнивымъ соперникомъ, нигдѣ не могли соединиться, какъ только въ гробѣ. Плачьте, любовники, плачьте и познавайте, что надежда такого соединенія была сладчайшимъ утѣшеніемъ, какое только они имѣли въ сей краткой жизни“¹⁾.

Таинственныя видѣнія, являющіяся смертнымъ, дополняютъ впечатлѣніе отъ унылыхъ гробницъ. Викторъ, заключенный въ темномъ подвалѣ, видитъ бѣлое облако, изъ котораго постепенно вырисовывается неясная фигура человѣка, то отца—Рожера, то Клеменці; страшный шумъ, завыванье и ужасныя мертвецы, съ воплями метущіяся по ночамъ изъ стороны въ сторону, съ одной могилы на другую, устрашили мирныхъ обитательницъ святой обители. Но чудесныя явленія объясняются просто: это или продѣлки толпы цыганъ, искусныхъ въ фризикъ и занимающихся съ усердіемъ черной и бѣлой магіей,—или безумныя выходки сумасшедшихъ монахинь, забравшихся въ подземелье Бельвернскаго монастыря²⁾.

Антитезы, проявляющіяся у Дюкре-Дюминиля, въ чередованіи мрачныхъ и свѣтлыхъ картинъ, выражались и въ контрастѣ между душевнымъ міромъ героя и окружающей обстановкой: „Всѣ гости довольны, выключая Виктора, который, видя картину счастливой любви, погружается въ печаль, не изъ зависти, но изъ сожалѣнія, что не видитъ Клеменці близъ себя, такъ какъ Генрихъ наслаждается взорами Констанці“...³⁾.

Таковы по своему характеру романы Дюкре-Дюминиля, имѣвшаго не менѣе извѣстнаго современника и соотечественника, также выступавшаго во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка на литературномъ поприщѣ. Мы разумѣемъ вышеупомянутаго Жана де-Флоріана, изъ про-

1) „Викторъ, или дѣтя въ лѣсу“, ч. 4, стр. 173—174.

2) Тамъ же, ч. 4, стр. 29—30; 37—39; 234—5.

3) Тамъ же, ч. 4, стр. 37.

изведеній котораго остановимся на двухъ: одномъ, привлечемъ вниманіе Н. М. Карамзина,—другомъ, нашедшемъ себѣ переводчика въ лицѣ В. А. Жуковскаго ¹⁾.

Въ 1792 году, въ Московскомъ Журналѣ появилась небольшая повѣсть изъ итальянской жизни, подъ названіемъ „Валерія“, причемъ переводчикъ счелъ долгомъ прибавить, что это—передѣлка изъ Флоріановыхъ „Nouvelles-Nouvelles“ ²⁾. Здѣсь пересказывалась жизнь Валеріи, дѣвушки изъ богатаго рода, жившей во Флоренціи и влюбленной въ Октавія, сына маркиза Орсини, человѣка знатнаго, но не очень состоятельнаго. Происходятъ свиданія въ роцѣ; объ этомъ узнаетъ отецъ Валеріи и съ гнѣвомъ разлучаетъ любовниковъ. Несмотря на желаніе старика Орсини женить сына, отецъ молодой дѣвушки отказывается, гордясь не только своимъ положеніемъ вельможи, но и большими средствами. Октавій съ горя отправляется на войну съ Пруссіей; сначала ведется переписка съ возлюбленной... потомъ прекращается. Вдругъ графъ Эральди, свойственникъ отца Валеріи, привозитъ извѣстіе о женитьбѣ Октавія. Это такъ поражаетъ Валерію, что она рѣшается выйти замужъ, по настоянію отца, за графа. Тотчасъ послѣ бракосочетанія, является прямо съ дороги Октавій и упрекаетъ Валерію въ невѣрности. Слухъ, распущенный Эральди, былъ ложный, и Октавій не былъ женатъ. Несчастливая графиня заболѣваетъ, впадаетъ въ летаргическій сонъ; ее считаютъ мертвой и погребаютъ въ фамильномъ склепѣ. Октавій подкупаетъ церковныхъ служителей, спускается въ подземелье, срываетъ крышку съ гроба, обнимаетъ трупъ—и Валерія оживаетъ. Конецъ повѣсти—счастливый. Въ дѣло Валеріи вмѣшивается мѣстный герцогъ Леопольдъ, добивается расторженія ея брака у папы, удаляетъ изъ Флоренціи жестокаго Эральди и соединяетъ счастливыхъ любовниковъ.

Другое произведеніе носитъ заглавіе „Вильгельмъ Телль, или освобожденная Швейцарія“ (М. 1802; 1817). Насъ интересуетъ не столько она, сколько приложеніе—„Розальба, сицилійская повѣсть“, любопытная по основному сюжету. Героиней выступаетъ герцогиня Розальба, которая хочетъ заставить своего супруга Кастелламара, невѣрнаго ей и предающагося излишествамъ, возвратиться къ прежней, чистой любви. Для достиженія цѣли она обращается за содѣйствіемъ къ колдуньѣ, и послѣдняя обѣщаетъ устроить дѣло, если Розальба достанетъ пучокъ волосъ, отрѣзанныхъ у преступника, умершаго на висѣлицѣ. Молодая герцогиня

¹⁾ По словамъ Ф. Ф. Вигеля, относящимся какъ разъ къ описываемой нами эпохѣ, „въ петербургской частной библіотекѣ молодыхъ офицеровъ Семеновскаго полка Пещуровыхъ“ „было полное собраніе сочиненій Флоріана и т. д.“ Н. Бѣлозерская. В. Т. Нарѣжный. Спб. 1896, ч. I, стр. 91.

²⁾ Эта повѣсть была напечатана и позже, въ 1819 году, въ переводѣ С. Мамонтова. Относительно перваго изданія см. Московскій Журналъ, 1792, ч. VII, стр. 282—321.

отправляется на одно мѣсто, находящееся недалеко отъ Палермо, гдѣ были поставлены висѣлицы, хотеть отрѣзать волосъ у висящаго передъ ней трупа... но въ это время изъ проѣзжающей мимо коляски, напуганный появленіемъ женщины, съ фонаремъ въ рукахъ, въ ночную пору и въ ужасномъ мѣстѣ—выходитъ мужчина и велитъ прекратить кощунство. Розальба не выдерживаетъ, падаетъ въ обморокъ, закричавъ, что она герцогиня. Тогда Кастеллармаръ (это былъ онъ) узналъ, на что можетъ рѣшиться изъ любви къ нему жена—и всѣ семейныя неурядицы кончились полнымъ благополучіемъ.

Въ повѣстяхъ Флоріана слышны старыя, распространенныя мотивы... Молодой человекъ разлученъ со своей возлюбленной вслѣдствіе неравнаго матеріальнаго положенія (Октавій, Валерія); жена тоскуетъ отъ измѣны мужа (Розальба); мѣсто дѣйствія—фамилный склепъ, уставленный гробами или пустынный уголокъ на Корліонской дорогѣ съ часовней, окруженной рвомъ, надъ которымъ на стѣнѣ „висятъ тѣла преступниковъ, судимыхъ въ Палермо“... Есть и выходцы съ того свѣта, явленіе которыхъ сейчасъ же разъясняется очень просто самимъ авторомъ, по крайней мѣрѣ, въ разбираемыхъ произведеніяхъ чуждымъ наклонности къ туманной фантастикѣ. Такова сцена въ церкви, гдѣ надъ мнимой могилой Валеріи молятся ея отецъ, мать и мужъ. Спасенная Октавіемъ отъ смерти молодая графиня проходитъ мимо, закутанная въ черное покрывало, не выдерживаетъ слезъ своей родительницы, цѣлуетъ ей руку—и, чтобы остановить покусившагося задержать ее, перепуганнаго до смерти Эральди, обращается къ нему, входя въ роль покойницы, съ грозной рѣчью, въ которой указываетъ на его козни, обманы и необходимость для него покаянія... Народъ въ ужасѣ передъ ней раздвигается—и „на другой день во всей Флоренціи говорили только о мертвецѣ, котораго видѣли въ катедральной церкви“, и „увѣрили, что Валерія, оттолкнувъ руку мужа, оставила на его платьѣ пять огненныхъ знаковъ“ ¹⁾.

IV.

Вліяніе западно-европейскихъ романовъ сообщило извѣстное настроеніе русскому обществу конца восемнадцатаго и начала девятнадцатаго вѣка; цѣлый міръ новыхъ образовъ, нѣжныхъ и мрачныхъ картинъ природы, моральныхъ идей пріятно дѣйствовалъ на чувство, бодрилъ умъ и томпо ласкалъ воображеніе. „Я спрашивалъ“, пишетъ Карамзинъ: „у многихъ книгопродавцевъ, какого рода книги у насъ расходятся больше всего, и всѣ отвѣчали: романы! Не мудрено... не всякій можетъ философствовать или ставить себя на мѣсто героевъ исторіи; но всякій любить, любилъ или хотѣлъ любить и находить въ романическомъ героѣ самого себя; читающему кажется, что авторъ гово-

¹⁾ Московскій Журналъ, 1792, ч. VII, стр. 316—317.

рять ему языкомъ его собственнаго сердца“. И нравятся болѣе чувствительные романы: „слезы, проливаемые читателями, текутъ всегда отъ любви къ добру и питаютъ ее“. „Нѣтъ, нѣтъ! дурные люди и романовъ не читаютъ!“ восклицалъ авторъ „Бѣдной Лизы“ подѣ напыломъ яркихъ впечатлѣній отъ своего чтенія ¹⁾, результатомъ котораго явилось желаніе въ сжатой формѣ выразить броженіе чувства и мысли. Къ 1789 году относятся „Графъ Гваринось, древняя гишпанская историческая пѣсня“, а къ 1791 году — „Раиса, древняя баллада“ — произведенія, дающія Карамзину право на званіе перваго русскаго балладника ²⁾.

Московскій Журналъ и Иппокрена дали литературные образцы въ томъ же жанрѣ: здѣсь напечатаны „Шотландская баллада“, переводъ изъ „*Etrennes sentimentales*“ (1792); „Леонардъ и Блондина“, произведеніе, вставленное въ рассказъ „Ночеходецъ, или Лунастикъ“ (1799), и „Вилльямъ и Маргарита“ (1800).

Въ 1804 году Г. П. Каменевъ выпустилъ въ свѣтъ своего „Громова“; въ Драматическомъ Вѣстникѣ (1808) помѣщена „Древняя баллада о королѣ Лирѣ“—и, наконецъ, съ 1814 года П. А. Катенинъ начинаетъ издавать рядъ своихъ балладъ, изъ которыхъ особенно любопытны: „Наташа“ (1814), „Убійца“ (1815), „Пѣвецъ“ (1815), „Лѣшій“ (1816), „Ольга“ (1816), „Пѣвецъ Усладъ“ (1817), „Мстиславъ Мстиславичъ“ (1819) и позднѣйшая „Старая былъ“ (1828).

Всѣ эти пѣсы, по своему содержанию, по воспроизведеннымъ въ нихъ типамъ и по общему колориту, слишкомъ сходны съ переводными романами, ходившими по рукамъ читающаго класса, чтобы не навести на мысль о причинѣ ихъ распространенія именно на порогѣ девятнадцатаго вѣка... Глубоко запали въ сердца русскихъ поэтовъ характерныя черты твореній ихъ западно-европейскихъ собратій, очень приглянулся еще мало извѣстный литературный видъ „баллада“ — и въ результатъ получилось сочетаніе стараго, но интереснаго, съ тогдашней точки зрѣнія, содержанія съ новой занимательной формой, по своему малому объему позволяющей автору иногда сгустить краски, рѣзко выдѣлать наиболѣе характерный эпизодъ и подчеркнуть ту или иную идею. Одновременно съ оригинальнымъ творчествомъ, распространяются переводы иностранныхъ балладъ, и „встрѣчаются единичныя попытки перенести романъ „съ приключеніями“ на сенсаціонную почву въ видѣ при-

¹⁾ Н. Бѣлозерская. В. Т. Нарѣжный. Спб. 1896, ч. I, стр. 103; В. В. Сиповскій. Изъ исторіи русской литературы XVIII вѣка. Спб. 1901, стр. 20—29.

²⁾ Самое слово „баллада“ встрѣчается въ русской литературѣ задолго до Карамзина. Напр., въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ, 1755, ч. II, стр. 149 — помѣщено небольшое стихотвореніе, подѣ заглавіемъ: „Балладъ“.

видѣній, воскресшихъ мертвецовъ, молніи, убивающей злодѣя, разбойниковъ, наемныхъ убійцъ и пр.“¹⁾. Создалась особая поэтическая атмосфера, въ которой носились и, какъ изъ тумана, постепенно вырисовывались силуэты героевъ и чудились покрытые дымкой унылые ландшафты...

Мысль часто переносится къ прошлому, или ко временамъ Карла Великаго, или Лира, короля британскаго, или великаго князя Владимира... Изображается знаменитая Ронсевальская битва: плѣнень храбрый рыцарь графъ Гвариносъ, упорно отвергающій предложеніе арабскаго повелителя Марлотеса принять мусульманскую вѣру и за это вверженный въ темницу; выпущенный изъ послѣдней, онъ сбиваетъ цѣль на туземномъ празднествѣ, избиваетъ враговъ и съ торжествомъ возвращается на родину²⁾; въ старой Британніи тяжелыя несчастія постигаютъ гордаго Лира³⁾, а на Руси, въ славномъ Кіевѣ-градѣ, идетъ пиръ горой, и на немъ князь Владиміръ устраиваетъ состязаніе пѣвцовъ...⁴⁾. Мѣсто дѣйствія иногда передвигается въ еще болѣе сѣдую древность... Въ незапамятныя времена рыцарь Громваль, разлученный чародѣемъ Зломаромъ съ любезной Рогнѣдой, отправляется на поиски пропавшей дѣвицы... Ни темный лѣсъ, ни черная почъ, озаряемая сверкающей молніей, ни чудесныя видѣнія—скелеты, ни ужасающія чудовища Зиланты, ни страшный исполинъ, стражъ Рогнѣды — не останавливаютъ Громвала, который, преодолевъ большія препятствія, соединяется съ милой сердца...⁵⁾. Смерть — вотъ гроза для любовниковъ. По ковчигѣ Всемилы разочарованный пѣвецъ Усладъ находитъ забвеніе лишь въ жаркомъ бою; его не плѣняютъ черноокія красавицы, и укрѣпляетъ лишь надежда—на свиданіе въ загробномъ мірѣ⁶⁾. Увѣжаетъ на войну и гибнетъ отъ ранъ женихъ Наташи, защищая отечество; онъ является ей затѣмъ во снѣ, предлагаетъ совершить скорѣе брачный обрядъ—и счастливая невѣста умираетъ⁷⁾. Неудачникъ Леонардъ чуть не убитъ быкомъ на ристалищѣ; зато гибнетъ, защищая юношу, прелестная Блондина — и опечаленный женихъ находитъ утѣшеніе въ волнахъ моря... Много разъ шумѣло море ночью, и каждый разъ у его береговъ происходило свиданіе двухъ тѣней: вставшей изъ гроба Блондины и вышедшаго изъ пучины Леонарда⁸⁾. На ряду со смертью, измѣна и

¹⁾ Н. Бѣлозерская. В. Т. Нарѣжный. Спб. 1896, ч. I, стр. 43.

²⁾ „Графъ Гвариносъ“.—Московскій Журналъ, 1792, ч. 6, стр. 219—226.

³⁾ „Древняя баллада о королѣ Лирѣ“. — Драматическій Вѣстникъ, 1808, ч. I, № 3, стр. 25—29.

⁴⁾ „Пѣвецъ“ (1815), „Старая быль“ (1828) П. А. Катенина.

⁵⁾ „Громваль“ (1802) Г. П. Каменева.

⁶⁾ „Пѣвецъ Усладъ“ (1817) П. А. Катенина.

⁷⁾ „Наташа“ (1814) П. А. Катенина.

⁸⁾ „Леонардъ и Блондина“.—Ипкокрена, 1799, ч. 4, стр. 274—279.

слабость характера страшны юной любви. Въ сильный дождь, ночью, при нависшихъ мрачныхъ тучахъ, блѣдная Раиса, съ помертвѣлыми устами, сѣтуетъ на измѣну лживо клявшася въ вѣрности Кронида... Лишь море, которому повѣдано горе, даетъ пріютъ обманутой... ¹⁾). Не вѣренъ и Вилльямъ, забывшій покинутую Маргариту, которая съ того свѣта является ему, съ лицомъ, какъ бы окутаннымъ зимнимъ облакомъ, и въ черномъ покрывалѣ. Тѣнь обвиняетъ Вилльяма въ измѣнѣ, приведшей къ преждевременной кончинѣ, рисуетъ печальную картину увяданія былой красоты и печальную могилу съ червями вмѣсто брачнаго ложа,—и кается легкомысленный юноша, идетъ къ гробницѣ возлюбленной и умираетъ на ней ²⁾). Какъ скорбна Маргарита, такъ опечаленъ и простой деревенскій парень Джемми, уѣхавшій съ мѣста родины добывать денегъ, необходимыхъ для женитьбы на дорогой ему Дженин; нужда и горе заставили дѣвушку, въ отсутствіе любимаго человѣка, отдать руку старому Робину Грею. Съ тѣхъ поръ тоска омрачила жизнь обоихъ любовниковъ, особенно по возвращеніи Джемми... ³⁾).

Однородны съ содержаніемъ балладъ сюжеты нѣкоторыхъ повѣстей и романовъ той же эпохи, иногда анонимныхъ, иногда выходившихъ съ фамиліей автора. Тоскливо жить Александру — герою одной повѣсти П. Ю. Львова ⁴⁾), влюбленному въ прекрасную Юлію, которую падкая на богатство и знатность мать, Чвана, хочетъ выдать замужъ за соседа помѣщика—графа Суетона. Графъ—черствый человѣкъ, любящій болѣе себя, чѣмъ другихъ, узнавъ о тайномъ намѣреніи несчастныхъ любовниковъ вступить въ бракъ, подкупаетъ егеря, чтобы убить Александра... Злодѣйскій планъ удается, и обезумѣвшая отъ горя Юлія, во время похоронъ Александра, поражаетъ себя кинжаломъ надъ гробомъ возлюбленнаго. Злодѣевъ постигаетъ Божья кара: замокъ Суетона разрушенъ бурей, владѣлецъ его пораженъ молніей; Чвана томится въ изнурительной болѣзни; егерь-убійца самъ предался въ руки правосудія... Героиня другой повѣсти ⁵⁾)—„несчастливая заключенная женщина, томящаяся въ подземельи какого-то замка съ башнями. Изрѣдка ее водятъ кормить ребенка; появляются какія-то таинственныя личности; таинственностью проникнуть весь рассказъ, настолько туманный, что только по заглавію можно догадаться, что кара исходитъ отъ оскорбленнаго супруга.

¹⁾ „Раиса“.—Московскій Журналъ, 1791, ч 4, стр. 118.

²⁾ „Вилльямъ и Маргарита“.—И покровена, 1800, ч. 6, стр. 426—429. Отмѣтимъ еще „балладу“ В. К. Кюхельбекера, помѣщенную въ Сынѣ Отечества, 1819, ч. 55, стр. 275.

³⁾ Московскій Журналъ, 1792, ч. VII, стр. 99.

⁴⁾ „Александръ и Юлія, истинная русская повѣсть“. М. 1801.

⁵⁾ „Обообщенная жена, російское сочиненіе“. М. 1804.

Тѣмъ не менѣе романъ кончается благополучно бѣгствомъ заключенной изъ тюрьмы“ ¹⁾).

Старые типы, старыя темы... здѣсь и рыцари, совершающіе подвиги, и грѣшники, призываемые къ покаянію ²⁾), и пѣвцы, услаждающіе на пиру своимъ пѣніемъ, и любовники, разлучаемые злой судьбой, и фантастическія существа, распоряжающіяся жизнью человѣка ³⁾), и явленія умершихъ живущимъ ⁴⁾). Окружающая обстановка соотвѣтствуетъ героямъ, то мирно предающимся въ руки Провидѣнія, надѣющимся на лучшее будущее и соединеніе за гробомъ, то мрачно и воинственно идущимъ къ своей цѣли, преодолюющимъ препятствія или безотрадно, съ отчаяніемъ въ дикихъ вопляхъ изливающимъ свое горе и самоубійствомъ прекращающимъ свое бренное существованіе.

Оссіанъ — любимый поэтъ нашихъ балладниковъ и романистовъ, влагающихъ сборникъ пѣсенъ шотландскаго барда въ руки своихъ героинь и героев...

„Юлія достигаетъ пригорка, возносящаго кустами увѣнчанное чело свое надъ водами озера, и тутъ предается она удовольствію чтенія пѣсней Оссіановыхъ. У ногъ ея шумятъ уныло волны, разстилаясь по песчаному берегу, вокругъ нея поютъ соловьи, стонутъ горлицы; но всего болѣе волнуютъ чувства ея трогательныя пѣсни шотландскаго барда; онъ славитъ красоту и мужество, любовь и вѣрность, онъ томитъ и возвышаетъ душу; нѣжны и добродѣтельны героини его! Юлія прельщается ихъ величіемъ и жалѣетъ, что не живетъ она въ ихъ вѣкѣ и странѣ“... ⁵⁾).

„Вечерняя звѣзда, подруга тихой ночи!
Чьи пѣсни возстаютъ ко мнѣ съ холмовъ могильныхъ?
Друзья почившіе: Фиггаль, предтеча сильныхъ,
И барды славные, пѣвецъ скорбей Альпійя,
Минова нѣжная, и Рино, и Удлинъ“.

„Добродѣтель“ дѣйствующихъ лицъ у Оссіана заставляетъ его поклонниковъ преслѣдовать моральныя цѣли.

„Вотъ каковы“, восклицаетъ Львовъ: „пагубныя слѣдствія суетныхъ видовъ ослѣпленныхъ пышностью родителей, предрасудками зараженныхъ. Но неужели поверженная въ гробъ добродѣтель останется

¹⁾ Н. Бѣлозерская. В. Т. Нарѣжный. Спб. 1896, ч. I, стр. 42—43.

²⁾ „Убійца“, П. А. Катенина, гдѣ герой мучится отъ угрызевей совѣсти черезъ десять лѣтъ по совершеніи убійства.

³⁾ Ср. „Лѣшаго“ П. А. Катенина: маленькій мальчикъ заведенъ лѣснымъ чудовищемъ въ глухую чашу, и погибъ.

⁴⁾ Аристъ, умершій другъ Александра, является послѣднему и предостерегаетъ отъ грозящей гибели („Александръ и Юлія“, стр. 70—71).

⁵⁾ „Александръ и Юлія“, стр. 57—58. Ср. „Пѣсни въ Сельмѣ“ П. А. Катенина.

неотмщенною, а порокъ торжествующимъ? Неужели? Нѣтъ, самъ Богъ — мститель за невинныхъ“ ¹⁾).

Для опечаленнаго и скорбнаго человѣка нравственность обуславливается вѣрой въ лучшее будущее, если не въ этой, то въ иной, вѣчной жизни.

„Здѣсь намъ нечего ожидать, кромѣ напастей“, говоритъ умирающій юноша своей нѣжной подругѣ: „но тамъ, гдѣ царь міра и отецъ человѣковъ пріемлетъ всѣхъ равно сыновъ своихъ, гдѣ сильный не страшень, а слабый безтрепетень; тамъ не долго мнѣ дожидаться тебя, ибо тамъ цѣлые вѣки одно лишь мгновеніе, я соединю съ тамъ съ тобою и буду жить во всю вѣчность; тамъ никто насъ не разлучить... Юлія! смерть не что иное, какъ возобновленіе жизни, переходъ отъ страданія къ покою, и потому она есть сущее благо... Неоцѣненный другъ сердца моего! Будь превыше душъ обыкновенныхъ, умѣй сразиться съ несчастіемъ, умѣй побѣдить его терпѣливою покорностью строгимъ законамъ судьбы...“ ²⁾).

„Разлуку призрѣваетъ Богъ“, и „вѣру ждетъ райскій покой“ ³⁾).

„Пѣвецъ Усладъ лишь за могиллой
Быть можетъ радъ:
Авось тамъ свидится съ Всемилой
Пѣвецъ Усладъ!“ ⁴⁾).

Существованіе загробной жизни подтверждается частыми явленіями умершихъ, которые вмѣшиваются въ земныя дѣла и интересуются ими; на землѣ же происходятъ свиданія умершихъ между собою. Являются женихи Наташѣ и Ольгѣ ⁵⁾, Маргарита — измѣнившему Вилльяму ⁶⁾, убитый въ сраженіи Аристъ — своему другу Александру ⁷⁾. Въ урочный часъ на берегу моря сходятся давно погибшіе Леонардъ и Блондина.

Полна луна просіяла надъ дремлющимъ моремъ.
Нѣчто, какъ духи, шумитъ межъ гробовъ!
Какой-то тамъ призракъ уныло и съ горемъ
Къ спящему морю проходитъ межъ зыбкихъ цвѣтовъ.
Блондины воздушная, тонкая тѣнь,
Саваномъ бѣлымъ, какъ снѣгъ, приодѣта,
Къ спящему морю столь томно идетъ...
О волны! вы юношу къ ней призовите.
Лѣсъ зашумѣлъ, а тамъ гулъ отозвался вдали.
Голубосвѣтла Венеры звѣзда потемнѣла;
Блѣдна подымется тѣнь, обогрэнна въ крови:
То Леонардъ появился изъ нѣдра молчащей пучины ⁸⁾).

¹⁾ „Александръ и Юлія“, 184—185.

²⁾ Тамъ же, стр. 154—156.

³⁾ „Наташа“.

⁴⁾ „Пѣвецъ Усладъ“.

⁵⁾ Баллады П. А. Катенина.

⁶⁾ Упомянутая выше баллада.

⁷⁾ Романъ П. Львова.

⁸⁾ „Леонардъ и Блондина“.

Фантастическій элементъ постепенно усиливается: на сцену выступаютъ существа сверхъестественныя — злой чародѣй Зломаръ и добрая волшебница Добрада.

Въ чудесномъ замкѣ, гдѣ ночуетъ Громваль, ровно въ полночь открываются двери, появляется процессія, состоящая изъ одѣтыхъ въ бѣлыя саваны скелетовъ, которые несутъ въ рукахъ желѣзный гробъ съ волшебникомъ Зломаромъ. Гробъ охватывается адскимъ огнемъ, раскаляется—колдунъ стонетъ; въ его свирѣпыхъ глазахъ отражается ужасъ, отчаяніе и скорбь, изо рта льется клубами пѣна.

Духи, скелеты, руками схватясь,
Гаркають, воютъ, хохочуть, свистятъ;
Въ изступленномъ восторгѣ бѣснуются, они
Пляшутъ адскую пляску вокругъ гроба его.
Въ страшныхъ забавахъ проходить полночь:
Вопли ихъ, клики ужаснѣй гремятъ.
Но лишь утра предвѣстникъ три раза прогѣлъ,
Исчезаютъ вмигъ духи, скелеты и гробъ ¹⁾.

Ужасающая обстановка окружаетъ и несчастную Ольгу, роптавшую на Провидѣніе и уѣхавшую съ убитымъ женихомъ.

Казни столпъ; кругомъ въ мерцаньи
Чуть-чуть видно при лунѣ
Адской сволочи скаканье,
Смѣхъ и пляска въ вышинѣ.
Что же мигомъ предъ собою
Видитъ Ольга? Чудо, страхъ!
Латы всадника золою
Всѣ разсыпались во прахъ;
Голова, взглядъ, руки, тѣло,
Все на мигомъ помертвѣло;
И стоитъ ужъ онъ съ косой,
Страшный остовъ костяной.

Конь проваливается,—Ольга умираетъ со страху.

Тутъ надъ мертвой заплясали
Адски духи при лунѣ,
И протяжно припѣвали
Ей въ воздушной вышинѣ... ²⁾.

Бываютъ иныя видѣнія. Съ горней высоты спускается волшебница Добрада, при звукахъ свирѣли и арфы, въ розовыхъ лучахъ, разгоняющихъ густой мракъ ночи. Легкое облако окутываетъ ее, свѣжій вѣтерокъ обдуваетъ:

Чище лилея одежда ея,
Поясъ по чресламъ какъ яхонтъ горитъ;
Какъ игра златояркой восточной звѣзды,
Такъ веселость сіяетъ у ней во очахъ ³⁾.

¹⁾ „Громваль“.

²⁾ „Ольга“ П. А. Катенина (1816).

³⁾ „Громваль“.

Контрастъ явленій Добрады и Зломара съ „адской сволочью“ соотвѣтствуетъ противоположнымъ картинамъ природы, встрѣчающимся очень часто у сентименталистовъ, которые чередуютъ нѣжныя идилліи съ проявленіемъ бури, бушующей при раскатахъ грома, сверканіи молній, и съ мрачными пейзажами, изображающими унылое заброшенное кладбище. Вотъ два описанія!

„Тамъ въ прохладной тѣни растущіе кусты цвѣтовъ душистыхъ наполняли воздухъ благоуханіемъ, и тихо журчалъ ручей, съ каменныхъ уступовъ ліющійся... О прекрасная природа! нѣжная мать существъ! Прелестный видъ твой склоняетъ сердца наши къ дружелюбію, искренности и взаимному соучастію. Ахъ! сколь бы мы счастливы были, если бы повиновались твоимъ благотворнымъ впечатлѣніямъ“¹⁾.

Или:

Во тьмѣ ночной ярилась буря;
Сверкаль на небѣ грозный лучъ;
Гремѣли громы въ черныхъ тучахъ,
И сильный дождь въ лѣсу шумѣлъ²⁾.

Несутся сѣрыя тучи, скрывается за нихъ луна, сосны колышата отъ вѣтра, тропинка ускользаетъ отъ взора, на небѣ сверкаетъ зарница, боръ воетъ, сыплются съ деревьевъ мокрые листья...³⁾. Въ этомъ мѣстѣ, при такихъ условіяхъ, и появляются разныя чудища...

Приводимъ все сотканное изъ контрастовъ, характерное стихотвореніе „Могила“⁴⁾. Говорятъ два голоса, съ разныхъ точекъ зрѣнія изображающіе послѣдній земной пріютъ человѣка. Первый голосъ поетъ:

Страшно въ могилѣ, хладной и темной!
Вѣтры тамъ воютъ, гробы трясутся,
Бѣлыя кости стучатъ.
Червь кровоглазый точитъ умершихъ,
Въ черепахъ желтыхъ жабы гнѣздятся,
Зміи въ крапивѣ шипятъ.

Другой—отвѣчаетъ:

Тихо въ могилѣ, мягкой, покойной.
Вѣтры тамъ воютъ, спящимъ прохладно,
Травки, цвѣточки растутъ.
Крѣпокъ сонъ мертвыхъ, сладостенъ, кротокъ;
Въ гробѣ нѣтъ бури; нѣжныя птички
Пѣснь на могилѣ поютъ⁵⁾.

1) „Александръ и Юлія“, стр. 27—28.

2) „Раиса“.

3) „Лѣшій“.

4) Московскій Журналъ, 1792, ч. VII, стр. 111.

5) Ср. описанія гробницы Ариста и могилы Александра и Юліи въ романѣ П. Львова.

V.

Распространеніе полу-фантастическихъ и полу-сентиментальныхъ произведеній иностраннхъ и русскихъ авторовъ соотвѣтствовало вкусамъ нашего общества, жившаго на порогѣ XIX вѣка, и создало извѣстную литературную атмосферу, вліянія которой не могъ избѣжать всякій, въ ту пору начинающій свою дѣятельность, писатель. „О чемъ гремятъ книгопродавцы въ витійственныххъ своихъ прокламаціяхъ—о романахъ ужасныхъ, забавныхъ, чувствительныхъ, сатирическихъ, моральныхъ и пр. и пр. Что покупають посѣтители Никольской улицы въ Москвѣ?—романы... Въ чемъ состоитъ достоинство въ этихъ прославленныхъ романахъ?—почти всегда въ однихъ великолѣпныхъ названіяхъ, которыя обманываютъ любопытство“... ¹⁾). Приведенное сужденіе Жуковского должно быть принято съ нѣкоторымъ ограниченіемъ: почти всегда романы обманывали, но... иногда и возбуждали любопытство. Такъ случилось и съ нашимъ поэтомъ. Равнодушный ко многимъ явленіямъ общественной жизни, онъ былъ внимательнымъ „зрителемъ мечтательнаго“, шелъ „рядомъ“ съ развитіемъ литературныхъ вѣяній и обратилъ свое вниманіе на ужасныя, чувствительныя, моральныя произведенія. Отсюда его интересъ къ Флоріану, Шписсу, ла-Мотту Фуке, о которыхъ онъ могъ составить себѣ понятіе еще на ученической скамьѣ Благороднаго пансіона и тотчасъ по окончаніи курса (1800). Начало творчества Жуковского какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда въ Россіи отчасти были переведены, отчасти подготавлились къ переводу романы разобраннхъ выше писателей, несомнѣнно пришедшихся по сердцу нашему читающему классу, хорошо извѣстныхъ ему въ оригиналѣ ²⁾ и пользовавшихся большою популярностію... Характеромъ этихъ романовъ объясняются особенности поэзіи Жуковского, въ числѣ раннихъ своихъ произведеній выпустившаго въ свѣтъ рядъ переводныхъ повѣстей, не безынтересныхъ по своимъ сюжетамъ и направленію.

„Горный духъ Урѣ“ и „Привидѣніе“—любопытные очерки неизвѣстныхъ авторовъ, помѣщенные въ Вѣстникѣ Европы 1810 года ³⁾).

Дѣйствіе въ первомъ происходитъ въ Гельвеціи. Одинъ богатый пастухъ, по имени Рифъ, изъ желанія породниться со знатными людьми намѣренъ отдать свою молодую прекрасную дочь Софронію за знатнаго, но разорившагося, большого, злонравнаго, загубившаго уже трехъ женъ

¹⁾ Вѣстникъ Европы 1808, № 1.

²⁾ Повѣсть Шписса „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ была окончательно отдѣлана Жуковскимъ въ 1817 году, а въ первомъ точномъ переводѣ на русскій языкъ вышла въ 1819 г. Фактъ указываетъ на знакомство Жуковского съ оригиналами романовъ.

³⁾ №№ 16, 21.

ландманна Вальтера. Между тѣмъ дѣвушка любитъ бѣднаго пастуха Траули, находящагося въ услуженіи у Рифа; послѣдній, узнавъ о взаимной склонности молодыхъ людей, съ гнѣвомъ прогоняетъ отъ себя неудачнаго любовника. Софронію заключаютъ въ комнату, откуда она должна выйти только въ день свадьбы, а несчастный Траули, скитаясь въ отчаяніи по пустыннымъ и дикимъ мѣстамъ, встрѣчаетъ горнаго духа—чудовище Ура, который обѣщаетъ помочь ему ужасомъ. Въ день свадьбы, когда Вальтеръ и его невѣста были въ церкви, поднялась страшная буря, огромная скала навалилась на церковь и разрушила ее, умертвивъ всѣхъ приглашенныхъ къ бракосочетанію. Но Софронія попала въ подземелье, гдѣ стояли гробы, и осталась жива. По настоянію духа, вновь явившагося къ Траули, пастухами начаты раскопки, Софронія найдена — и свадьбой любовниковъ оканчивается повѣсть. Старый Рифъ умеръ съ горя, полагая, что съ Вальтеромъ погибла дочь; онъ не дождался результатовъ трехдневныхъ раскопокъ, и послѣ него перешло къ Софроніи громадное состояніе.

Сюжетъ „Привидѣнія“ иной. Іосифъ Фольмаръ, молодой австрійскій офицеръ, лѣчася отъ ранъ, полученныхъ имъ въ сраженіи при Ваграмѣ, остановился въ одномъ богемскомъ городкѣ Камейкѣ. Здѣсь умерла жена хозяина предназначавшейся ему квартиры—г-жа Ленць, и, вмѣсто частнаго помѣщенія, Фольмаръ принужденъ былъ остановиться въ трактирѣ. Въ первую же ночь онъ увидѣлъ бѣлую женщину, склонившуюся къ его постели, и съ ужасомъ убѣдился, что она, какъ двѣ капли воды, похожа на покойницу Ленць и его умершую сестру Луизу, во вѣдѣнности которыхъ было нѣчто общее. Съ этого дня видѣнія повторялись не разъ... Встревоженный Фольмаръ пригласилъ къ себѣ почевать одного доктора, — и тогда все разъяснилось очень просто. Привидѣніе оказалось дочерью одного господина; она сошла съ ума послѣ смерти своего возлюбленнаго, убитаго въ бою, котораго звали, также какъ и Фольмара, Іосифомъ. Герой повѣсти своимъ видомъ напоминалъ ей умершаго жениха, производилъ на нее благопріятное впечатлѣніе, способствовалъ ея выздоровленію; конецъ приключенія — конечно, свадьба Фольмара и пришедшей въ разсудокъ Луизы (имя дѣвушки).

Отдѣльныя картины, встрѣчающіяся въ обѣихъ повѣстяхъ, свидѣтельствуютъ объ общемъ ихъ колоритѣ, настроеніи авторовъ и переводчика.

Напримѣръ, описывается безплодная, безлюдная горная мѣстность. „Вдругъ почернѣло небо, настала гроза; удары грома ужаснымъ образомъ раздавались между стѣнами утесовъ; огромные камни отторгались отъ нихъ, съ оглушительнымъ стукомъ падали въ пучины. Траули былъ спокоенъ; онъ не боялся смерти. Небо часъ отъ часу становилось мрачнѣе; и, наконецъ, среди бѣла дня глубокая ночь воцарилась повсюду.

Вдругъ показалось Траули, что изъ разсѣлины утеса выходитъ кто-то, имѣющій образъ ужасный. Чѣмъ ближе подходило къ нему при-

видѣніе, тѣмъ выше и огромнѣе оно становилось. Но Траули не ужасался. Не одинъ разъ слыхалъ онъ, что въ этихъ неприступныхъ утесахъ воцарился могучій духъ, котораго пастухи называли Уромъ. Онъ имѣлъ, по рассказамъ ихъ, косматую голову, подобную медвѣжьей, и росту былъ необъятнаго. И если случалось несчастному путешественнику замерзнуть между снѣгами или альпійскому охотнику заблудиться между крутыми утесами, такъ что ужъ ни вверхъ, ни внизъ не могъ онъ найти дороги; если лавиною засыпало стадо или обрушившійся утесъ засыпалъ цѣлое селеніе—то пастухи обыкновенно говорили: „Это сдѣлалъ свирѣпый Уръ“. — „Куда ты идешь?“ спросилъ у Траули голосъ, подобный звучному грохотанію грома. Траули поднялъ глаза — обитатель утеса, грозный, угрюмый, огромный какъ черная башня, передъ нимъ возвышался“ ¹⁾).

Ужасающія сцены смѣняются тихими и унылыми въ „Привидѣніи“... Фольмаръ—печально настроенъ. „Въ эту минуту послышалось ему тихое пѣніе—унылая и пріятная гармонія, приносимая издалека вечернимъ вѣтеркомъ, какъ-будто разливалась въ пространствѣ воздушномъ. Фольмаръ подошелъ къ растворенному окну, передъ которымъ струилась прозрачная Молдава — луна свѣтила очень ярко—за рѣкою въ отдаленіи виденъ былъ монастырь; монахи пѣли свои священные гимны. Воспоминаніе о Луизѣ наполнило душу Фольмара; онъ началъ молиться, и слезы покатались изъ глазъ его“.

„Пробило полночь, когда онъ легъ въ постель. Онъ начиналъ уже засыпать, вдругъ слышится ему тихій шорохъ; что-то прикоснулось къ его щекамъ—прикосновеніе легкое, какъ-будто воздушное, — и черезъ минуту нѣжный, едва слышимый голосъ сказалъ ему: „Ты ли это Іосифъ“? Онъ пробуждается—видя сіяющіе во мракѣ глаза, большіе и прямо на него устремленные—вскрикиваетъ. Женщина, одѣтая въ бѣлое платье, бросается отъ его постели къ дверямъ, передъ которыми останавливается, подымаетъ руки къ небу. Фольмаръ хочетъ за нею послѣдовать—сіяніе луны освѣтило лицо ея—это Луиза. Ужасъ сдѣлалъ его неподвижнымъ“ ²⁾).

Не довольствуясь переводами повѣстей, отличающихся подобными свойствами, Жуковский въ то же время искалъ среди западно-европейскихъ произведеній такого литературнаго жанра, который вполне отвѣчалъ бы по содержанию сложившимся у него воззрѣніямъ и далъ бы ему возможность проявить не одни дарованія рабскаго-переводчика въ прозѣ, но творческій талантъ переводчика въ стихахъ—соперника перелагаемаго поэта. Его выборъ остановился на балладѣ, которая вполне удовлетворяла его взглядамъ, а также на нѣкоторыхъ стихотворныхъ

¹⁾ Вѣстникъ Европы 1810, № 21, стр. 8—9.

²⁾ Тамъ же, 1810, № 16, стр. 250—251.

поэмахъ. Съ одной стороны, Шиллеръ и Гете, Бюргеръ, Уландъ и Шписсъ; съ другой — Вальтеръ Скоттъ и Томасъ Муръ, Соути и Байронъ, — наконецъ, Флоріанъ и др. открыли ему неисчерпаемый источникъ для заимствованія. Здѣсь были старыя, давно знакомыя Жуковскому и русскому обществу типы, сюжеты, картины, идеи — все то, что интересовало въ переводныхъ романахъ той эпохи, которая воспитала нашего поэта.

Довольно богато содержаніе поэзіи Жуковского; въ ней создано особое фантастическое царство, міръ грезъ, нарисованный часто яркими красками, чуждыми окружающей автора дѣйствительности...

Разнообразные типы временъ давно минувшихъ, возстаютъ передъ нами; нѣкоторые изъ нихъ особенно полюбились Жуковскому.

На первомъ мѣстѣ — пѣвецъ. То пѣжный и грустный, скучающій по разбитомъ въ жизни идеалѣ, по смерти милой или разлукѣ съ нею, нѣсколько сентиментально настроенный, съ арфой въ рукахъ ¹⁾; то суровый скальдъ глубокой старины, съ унылымъ, но огненнымъ взоромъ, посѣдѣвшій отъ лѣтъ и кручины, воспламененный воспоминаніями былого, исполненный отваги ²⁾, — пѣвецъ извлекаетъ изъ арфы или лиры разные звуки и поетъ разныя пѣсни. Тихая мелодія, томная и меланхоличная, и боевая арія, обращенная къ воинству, и заунывный напѣвъ о прошедшихъ дняхъ счастья, дняхъ свободы и мужества, переплетаются другъ съ другомъ... Средневѣковой колоритъ лежитъ и на другихъ дѣйствующихъ лицахъ: монахахъ и рыцаряхъ. Послѣдніе совершаютъ дивные подвиги: они сражаются съ невѣрными, врагами дорогой отчизны, освобождаютъ ее отъ ужасныхъ чудовищъ, еще съ юнаго возраста способны драться съ великанами и добывать восьмое чудо свѣта; вѣрныя присягѣ и клятвамъ, они слѣпо подчиняются уставамъ ордена и повелѣніямъ магистра, даже при сознаніи собственной правоты; не измѣняютъ и милой сердца до гроба, способны умереть въ ожиданіи появленія возлюбленной, ради которой ни-по-чемъ кинутся въ пучину за брошеннымъ кубкомъ. Но если образъ красавицы, являлся въ мечтахъ, бодрилъ въ горячихъ схваткахъ, то изъ-за ревнивыхъ чувствъ лилась ручьемъ кровь подъ ударами обезумѣвшаго мстителя: гибнетъ вѣрная жена, убитъ рыцарь, чуть не умерщвленъ въ ужасномъ горнѣ ни въ чемъ неповинный пажъ ³⁾. Неограниченность власти создаетъ произволь. Въ часовнѣ сжигается влюбленная чета, на большихъ дорогахъ —

¹⁾ „Сельское кладбище“ (1801), „Вечеръ“ (1806), „Пѣвецъ“ (1811), „Эолова арфа“ (1814), „Алонзо“ (1831), „Марьяна роца“ (1809) и др.

²⁾ „Пѣснь барда“ (1806), „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“ (1812), „Три пѣсни“ (1816), „Вадимъ новгородскій“ (1803) и др.

³⁾ „Гаральдъ“ (1816), „Рыцарь Тогенбургъ“ (1818), „Замокъ Смалгольмъ“ (1821), „Кубокъ“ (1831), „Судъ Божій“ (1831), „Сраженіе со змѣемъ“ (1831), „Роландъ оруженосецъ“ (1832), „Рыцарь Ролловъ“ (1832), „Ундина“ (1833) и др.

грабежъ и разбой, съ властолюбивыми цѣлями вельможа бросаетъ въ волны безпомощнаго младенца... На ряду съ величавыми личностями героевъ постепенно выступаютъ фигуры злодѣевъ-убійць съ жестокимъ, камешнымъ сердцемъ, фигуры грѣшниковъ съ душой, отягченной преступленіями, во главѣ съ тѣмъ, который безжалостно оттолкнулъ отъ порога своего жилища Искупителя міра. Скрѣпляется кровавой подписью договоръ, отдающій во власть сатанѣ душу подписавшаго и его двѣнадцати дочерей; изъ корысти зарѣзалъ „скромный другъ боговъ“ и беззащитный путникъ; въ порывѣ гнѣва пораженъ родной братъ, страшныя трупы не рѣдкость въ водахъ прекрасныхъ многоводныхъ рѣкъ¹⁾.... Монашеское званіе и монастырскія стѣны — прибѣжище на старости лѣтъ для буйнаго воляки и придорожнаго злодѣя — разбойника. Монахи пользуются часто большимъ почетомъ и властью: таковъ безжалостный епископъ, издѣвающійся надъ голодными массами простого народа, таковъ настоятель святой Кутбертовой обители, полуиссохнувшій, сѣдой монахъ... Бываютъ и святые среди этого сословія — тѣ добровольные мученики, которые обрекли себя на смерть для просвѣщенія невѣрныхъ; бываютъ и пылкіе сердцемъ, которые не прочь зажечь прежнее веселою жизнью, встрѣтившись снова съ возлюбленной²⁾. Многіе монахи паломничаютъ, желая искупить грѣхи; блуждаютъ по свѣту и свѣтскіе люди, и рыцари — искатели приключеній... Типъ странника — пятый типъ, приглянувшійся Жуковскому. Благородный юноша, предводимый святымъ старцемъ, долгое время блуждаетъ и борется съ препятствіями, прежде чѣмъ освободить двѣнадцать красавицъ, спавшихъ тяжелымъ сномъ за прегрѣшенія отца; Эсхинъ бродитъ по свѣту, въ погонѣ за счастьемъ, которое убѣгаетъ, какъ тѣнь; три путника стучатся въ хижину старушки, спрашивая ея объ умершей дочери; приходитъ въ столицу Италіи запыленный пилигримъ, сорокъ дней и ночей не касавшійся пищи; дивный сонъ видитъ заснувшій на благовономъ лонѣ муравы странникъ, и печально скитается по всему міру Агасверъ...³⁾.

Рѣзкій контрастъ необычайнымъ людямъ, одареннымъ свыше или талантомъ, или силою воли, представляютъ лишенные свободы узники, плѣняющіеся унылою пѣсню неизвѣтнаго товарища по злключеніямъ, забывающіе свою горькую долю, заслушавшись щебетанья внезапнаго посѣтителя птички, часто всецѣло зависящіе отъ рѣшенія суроваго мо-

¹⁾ „Громобой“ (1810), „Ивиковы журавли“ (1813), „Варвиль“ (1814), „Двѣ были и еще одна“ (1831), „Покаяніе“ (1831), „Братоубійца“ (1832) и т. д.

²⁾ „Пустынникъ“ (1812), „Судъ Божій надъ епископомъ“ (1831), „Королева Урака“ (1831), „Судъ въ подземельи“ (1832) и др.

³⁾ „Вадимъ“ (1817), „Теонъ и Эсхинъ“ (1814), „Три путника“ (1820), „Покаяніе“ (1831), „Выборъ вѣста“ (1845), „Странствующій жидъ“ (1851—1852).

нашескаго суда; контрасть поддерживаютъ простые поселяне, рыбаки, которыхъ плѣняетъ русалка и которымъ достается, взамѣнъ пропавшей дочери, чудная Ундица ¹⁾). Таковы герои, принимающіе участіе въ развитіи событій, развертывающихся передъ читателемъ приблизительно въ однообразныхъ схемахъ.

Сюжеты балладъ и поэмъ имѣютъ между собой много общаго. Обыкновенная тема—разлука съ милымъ, умершимъ либо уѣхавшимъ на войну и убитымъ, по которомъ горюетъ невѣста, упрекающая небеса въ несправедливости; разъединеніе влюбленныхъ изъ-за неравенства состоянія и положенія въ свѣтѣ, кончающееся смертью одного изъ нихъ или смертью обоихъ... ²⁾). Иногда встрѣчаются ужасные факты—убійства съ корыстной цѣлью и кара преступника; продажа души бѣсу, возмездіе за это и покаяніе... ³⁾). Мрачные и грустные мотивы балладъ естественно вытекаютъ изъ этихъ сюжетовъ, въ которые вставлены отдѣльныя картины, иногда нѣжныя и отрадныя, когда человѣкъ, отрываясь отъ пошлой и печальной дѣйствительности, переносится мыслями въ лучшее будущее, — иногда угрюмыя, страшныя, когда отражаются въ поэзіи однѣ житейскія невзгоды.

Въ моментъ идеалистическаго порыва вся природа „мнится полною жаркой молитвы“, солнце ярко и радостно, „бездна водъ свѣтла до дна“; съ наступленіемъ ночи небеса полны звѣздъ, въ глубинѣ ихъ—невъразимая тишина, и „слуху сердца слышится“, какъ раздается въ вышинѣ ангельская гармонія „блаженной, чудной вѣсти“ ⁴⁾). Даже скорбный, потерявшій друга, Теонъ примиряется съ жизнью.

Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ,
И тихое море горѣло;
На хижину сыпался розовый блескъ,
И мирты окрестны алѣли.
Изъ бѣлаго мрамора гробъ не вдали,
Обсаженный миртами, зрѣлся;
Душистыя розы и гибкій яминъ
Вѣтвями надъ нимъ соплетались ⁵⁾).

Въ моментъ унынія все окружающее окутывается зловѣщимъ туманомъ: вмѣсто прекраснаго зеленаго луга и ясной погоды, представляется мрачная темница съ томящимися узниками, — подземелье грозной обители, гдѣ обрекаютъ на смерть юную, только что расцвѣтшую, пол-

¹⁾ „Узникъ“ (1819), „Шильонскій узникъ“ (1821), „Судъ въ подземельи“ (1832); „Рыбакъ“ (1818), „Ундица“ (1833) и др.

²⁾ „Людмила“ (1808), „Свѣтлана“ (1808—1812), „Алина и Альсимъ“ (1814), „Эльвина и Эдвинъ“ (1814), „Теонъ и Эскинъ“ (1814), „Ленора“ (1813), „Улинъ и его дочь“ (1833).

³⁾ „Ивиковы журавли“ (1813), „Громобой“ (1810), „Варвикъ“ (1814).

⁴⁾ „Братоубійца“ (1832), „Странствующій жидъ“ (1851—1852) и многія другія произведенія.

⁵⁾ „Теонъ и Эскинъ“ (1814).

ную жизни красавицу, — глухое, заброшенное кладбище, навѣвающее меланхолю, — угрюмыя развалины стараго замка... Отъ подобныхъ картинъ вѣтъ поэзій Юнга и Оссіана, такъ ярко отразившейся въ стихотвореніи „Къ человѣку“ и „Вадимъ новгородскомъ“ ¹⁾.

И все въ ужасной тишинѣ;
Окрестность, какъ могила;
Вотъ... каркнулъ воронъ на стѣнѣ,
Вотъ... стая псовъ завyla;
И вдругъ протяжно полночь бьетъ;
Нашли на небо тучи,
Рѣка надулась, боръ реветъ,
И мчится прахъ летучій.
Увы!.. послѣдній, страшный бой
Отгрануль за горами...
Ужъ тише... смолкъ... ²⁾.

Иной разъ, въ одномъ произведеніи, по контрасту, помѣщены свѣтлыя и темныя картины ³⁾; послѣднія часто состоятъ изъ ряда фантастическихъ явленій. Самыми черными красками рисуется образъ сатаны. Онъ — „нездѣшній“, страшно глядитъ, развѣзжаетъ на ворономъ, мечущемъ изъ ноздрей искры конѣ ⁴⁾, по могиламъ грѣшниковъ, предстаетъ „весь въ пламени“, „свирѣпый, мрачный, разъяренный“ передъ раздробленными дверями храма и вопіетъ, обращаясь къ праху колдуньи...

Вдругъ... страшной молніа струей
Сводъ неба раздвоила,
По тучамъ вихорь пробѣжалъ,
И съ сильнымъ грома трескомъ,
Ревущей бурѣ, бѣсъ предсталъ,
Одѣявъ адскимъ блескомъ.
И змѣи въ пламенныхъ власахъ,
Клубясь, шипятъ и свищутъ;
И радость злобая въ очахъ —
Кругомъ, сверкая, ршутъ... ⁵⁾.

Царство грезъ раскрывается... Феи летаютъ вокругъ стараго Гаральда, русалки плѣняютъ рыбаковъ, духи земные и водяные наполняютъ лѣсъ, гдѣ дядя Ундины Струй ѣздитъ въ бѣлой холстиновой фурѣ, запряженной парой огромныхъ бѣлыхъ коней, драконы и великаны сражаются съ рыцарями, волшебница Добрада сообщаетъ своей

¹⁾ „Сельское кладбище“ (1801), „Шильонскій узникъ“ (1821), „Судъ въ подземельи“ (1832) и др.

²⁾ „Громобой“ (1810).

³⁾ „Шильонскій узникъ“ (1821), „Двѣ были и еще одна“ (1831), „Судъ въ подземельи“ (1832).

⁴⁾ „Баллада: какъ старушка ѣхала“ (1814), „Рыцарь Роллонъ“ (1832).

⁵⁾ „Громобой“ (1810).

любимицѣ Людмилѣ красоту и таланты, очаровывающіе молодого Кіевскаго княжича... Умершіе являются живущимъ. Тѣни павшихъ въ бою витязей окружають вѣщаго, вѣнчаннаго сѣдиною барда; утопленный младенецъ губить своего убійцу; въ Иванову ночь мертвецъ въ полномъ рыцарскомъ одѣяніи проходитъ на свиданье съ женой барона и пожимаетъ ей руку, оставивъ на ней огненные слѣды; „облагренная кровавымъ токомъ тѣнь“ безвинно убитой преслѣдуетъ ревниваго мужа; пораженный на войнѣ женихъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ и мчитъ ее, окруженный толпой вьющихся тѣней, къ своей могилѣ, у которой обращается въ посинѣлый трупъ, съ распадающейся по кускамъ кожей, съ безглазымъ черепомъ на плечахъ... Два туманныхъ видѣнія вьются около дуба—мѣста свиданія Арминія и Минваны—тихо колышется тогда зеленая листва, и жалобно звучать струны арфы... ¹⁾ Кое-гдѣ встрѣчается у Жуковскаго попытка объяснить таинственныя явленія естественнымъ путемъ.

Покойникъ-женихъ, шевелящійся подъ бѣлымъ саваномъ, сумрачная избушка съ чернымъ гробомъ, попь, протяжно гласящій: „Буди взяты могилой“, зловѣщій воронъ и бѣлый, чистый голубокъ — оказываются сномъ Свѣтланы, равно какъ и распятый Спаситель, видѣнный грѣшнымъ капитаномъ, и храмина, уставленная множествомъ крестовъ, которые примѣрялъ пилигримъ... Не лѣсной царь, обросшій густой бородой, въ темной коронѣ, сверкаетъ глазами, не онъ сулитъ золото, перлы и радость и знакомство со своими прекрасными дочерьми — это бѣлѣбущій надъ водой туманъ, колыхающій листву вѣтеръ, сѣдя въ ветлы, преобразенныя въ причудливыя формы бредомъ больного ребенка... Эльвинѣ только кажется, что летаетъ и стонетъ тѣнь Эдвина; вмѣсто длиннаго, сухого, съ костяными пальцами, скелета—привидѣнія, женихъ Эми Брандъ, совершивъ преступныя дѣянія, бродитъ ночью по развалинамъ стариннаго замка ²⁾...

Всѣ указанные герои, всѣ факты, какъ естественные, такъ и чудесные, зависятъ отъ одной мощной и разумной силы — Судьбы, властвующей надъ всею вселенной. Цѣль явленій предопредѣлена Провидѣніемъ, никто не можетъ противиться теченію жизни. И только

„въ гордости своей, слѣпой, неправосудной
Безумецъ возстаетъ на небо и на рокъ“ ³⁾.

¹⁾ „Пѣснь барда“ (1806), „Людмила“ (1808), „Варвикъ“ (1814), „Алина и Альсигъ“ (1814), „Эолова арфа“ (1814), „Гаральдъ“ (1816), „Рыбакъ“ (1818), „Замокъ Смальгольмъ“ (1821), „Ленора“ (1831), „Сраженіе со змѣей“ (1831), „Ундина“ (1833), „Роландъ оруженосецъ“ (1832), „Ночной смотръ“ (1836) и др.

²⁾ „Свѣтлана“ (1808 — 1812), „Эльвина и Эдвинъ“ (1814), „Лѣсной царь“ (1818), „Двѣ были и еще одна“ (1831), „Капитанъ Боппъ“ (1843), „Выборъ креста“ (1845).

³⁾ „Человѣкъ“ (1801).

Наказаны Людмила и Ленора за грѣховное роптанье, за бунтъ и вызовъ Творца на судъ съ собой; замолкли хулы Эпимесиды, который, съ сіяніемъ въ очахъ, прославляетъ наслажденія бытія. Всякому смертному „рокъ судилъ брести невѣдомой стезей“. Поэтому королева Урака умираетъ въ день возвращенія изъ Марокко мощей святыхъ мучениковъ, пострадавшихъ за вѣру; непорочный Фридолинъ избѣгаетъ лютой казни, и долженъ погибнуть рыцарь Роллонъ...

Крестъ каждаго сдѣланъ по его плечамъ, такъ какъ премудро Провидѣніе, внушающее челоуѣчеству великую идею брѣнности земной жизни. Здѣсь „любовь кропитъ слезой безвременный гробъ“, умерла жена Теона. Смерть „неумолима, законъ ея непремѣненъ; ничто не избѣжитъ ударовъ ея, ничто не подвигнетъ ее на жалость“. Она „спѣшитъ“ „грозная“, „и все—отъ хижины до чертоговъ, отъ плуга до скипетра—гибнетъ подъ сокрушительными ударами ея косы“. Глубокое смущеніе, объемлющее челоуѣка, проходитъ благодаря надеждѣ на блаженство въ будущемъ... ¹⁾.

Для достиженія этого блаженства надо построить свою жизнь по христіанскому идеалу; въ противномъ случаѣ, даже на землѣ можетъ постигнуть кара небесъ. Такъ невольнымъ крикомъ выдаютъ себя убійцы несчастнаго Ивика; исчезаетъ въ водахъ Авона увлекаемый младенцемъ Варвикъ, раскрытъ мечемъ грозный убійца Освальдъ ²⁾, мертвецъ выходитъ на свиданье съ женой Смальгольмскаго барона, сходитъ съ ума пораженный внезапнымъ видѣніемъ Каспаръ-разбойникъ ³⁾, тонетъ въ пучинѣ съ милымъ Рино дочь Уллина ⁴⁾, презрѣвшая волю отца, умираетъ въ объятіяхъ Ундины Гульбрандъ, и „томимый всѣми нуждами земными“, „между людей, какъ безпріютный странникъ“, подбирается Агасверъ.

Только искреннее покаяніе смягчаетъ участь грѣшниковъ. Въ сокрушеніи возводитъ на небеса свой взоръ Громобой; онъ строитъ храмъ въ честь св. Николая, превращаетъ свой домъ въ пріютъ для сирыхъ и убогихъ, и, отягченный веригами, часто распростирается передъ образами. Плѣнявшая поклонника Мальвина раскаивается въ своемъ холодномъ обращеніи съ влюбленнымъ и безъ вѣсти пропавшимъ юношей и удаляется отъ свѣта; пролившая кровь младенцевъ и похищавшая кости мертвыхъ колдунья проситъ, послѣ ея смерти, окропить гробъ святой водой и служить по ней панихиды. Ревнивый шотландецъ, убившій болѣе счастливаго соперника въ любви, кается въ грѣхахъ неиз-

¹⁾ „Вечерь“ (1806), „Людмила“ (1808), „Эпимесидъ“ (1813), „Теонъ и Эскинъ“ (1814), „Ленора“ (1831), „Королева Урака“ (1831), „Судъ Божій“ (1831), „Рыцарь Роллонъ“ (1832), „Выборъ креста“ (1845); „Мысли при гробницѣ“ (1797).

²⁾ „Три пѣсни“ (1816).

³⁾ „Двѣ были и еще одна“ (1831).

⁴⁾ „Уллинъ и его дочь“ (1833).

вѣстному чернецу, которому „позволено заглазить память ужаснаго дѣла ночнаго“; отважный наѣздникъ оставляетъ разбой, сознаетъ страшныя прегрѣшенія и, по совѣту пріора, поступаетъ конюшимъ въ ближайшій монастырь; братоубійца облачается въ грубую власяницу, возлагаетъ на себя ржавый желѣзный поясъ, приковываетъ цѣпь къ исхудалымъ ногамъ, молится и плачетъ; притѣснявшій людей, развратный ругатель передъ смертью слушаетъ Евангеліе, а тягчайшій грѣшникъ смиряется душой, „постигаетъ все благо жизни“, и идетъ за Тѣмъ, кого безумно отрицалъ, какъ за отцомъ дитя, искренне сокрушаясь о содѣянномъ... Изъ неземныхъ существъ, томится за преступные замыслы Аббадона, а молодая пери приноситъ къ вратамъ Эдема горячія слезы злодѣя, дающія ей право остаться въ райской обители ¹⁾. Основное міровоззрѣніе Жуковскаго, всецѣло проникнутаго идеей необходимости сокрушенія о грѣхахъ, поста и молитвы, ярко проявляется въ одномъ изъ его твореній, съ характернымъ заглавіемъ: „Жизнь“. Здѣшняя жизнь представляется неизвѣстно куда текущимъ потокомъ, часто скрывающимся отъ взора въ неясномъ полумракѣ.

Отуманеннымъ потокомъ
Жизнь унылая плыла;
Берегъ въ сумракѣ глубокомъ;
На холодномъ небѣ мгла;
Тьмою звѣзды обложило;
Бури нѣтъ—одинъ туманъ,
И вдали реветъ уныло
Скрытый мглою океанъ.

Въ безднѣ океана брошена одинокая ладья, печальное существованіе которой скрашивается иногда пѣснью надежды залетнаго прекраснаго ангела ²⁾. А смертныя творцы пѣсенъ обречены судьбой на горькую долю Арминія и Камозенса, въ святыхъ мечтахъ земли прозрѣвающихъ Бога, и зато угнетаемыхъ нищетой и неудачами... Но сердце говоритъ, что все преходяще, что исчезнетъ могильная тьма и зажжется въ небесахъ звѣзда—„путеводитель милый“. Тогда станетъ чловѣку доступной радость, „тишина прежней вѣры“, и вновь переживутся упованія молодости.

Будь сіянье, будь невастье,
Будь, что надобно судьбѣ—
Все для жизни будетъ счастье... ³⁾.

¹⁾ „Громобой“ (1810), „Пустынникъ“ (1812), „Баллада о старухѣ“ (1814), „Аббадона“ (1814), „Пери и Ангелъ“ (1821), „Покаяніе“ (1831), „Братоубійца“ (1832), „Рыцарь Роллонъ“ (1832), „Капитанъ Боппъ“ (1843), „Странствующій жидъ“ (1851—1852).

²⁾ „Жизнь“ (1819). Ср. „Теонъ и Эскинъ“ (1814).

VI.

Таковы характерныя черты твореній художника, „жизнь котораго пролетѣла на крыльяхъ легкой беззаботности рука объ руку съ поэзіей“, въ его время „кипѣвшей во всемъ, вездѣ производившей бредъ сумасшествія“ и доставившей ему возможность именоваться „поэтическимъ дядькой чертой и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ“. „Жизнь и поэзія—одно“, и послѣдняя служитъ прекраснымъ выраженіемъ общественныхъ взглядовъ, неустановившихся во времена Жуковского.

Сторонники классицизма, въ родѣ Гнѣдича, Мерзлякова, Шаховского и Загоскина, осыпали упреками балладниковъ, для которыхъ „нѣтъ ничего невозможнаго, нѣтъ ничего невѣроятнаго, ничего низкаго“, за „духъ“, „разрушающій всѣ правила піитики, смѣшивающій всѣ роды, комедію съ трагедіей, пѣсню съ сатирой, балладу съ одой“¹⁾.

Балладами я нѣжный вкусъ питаю;
И полночь, и пѣтухъ, и звонъ востей въ гробахъ,
И чу!.. все страшно въ нихъ, но милымъ все пріятно,
Все восхитительно, хотя невѣроятно²⁾,

изливался со сцены Фіалкинъ въ піесѣ, имѣвшей не малый успѣхъ.

Иначе смотрѣли на дѣло сторонники новыхъ литературныхъ теченій. Грибоѣдовъ защищаетъ „Ольгу“ Катенина отъ нападковъ критики и иронически заявляетъ о своемъ невѣжественномъ незнаніи, „что чудесное въ поэзіи требуетъ извиненія“; самъ Пушкинъ „приноситъ должную дань памяти Каменова“, называетъ подражаніе Жуковского Бюргеровой „Ленорѣ“ прелестнымъ, признаетъ справедливыми сужденія автора „Горя отъ ума“ и хвалитъ Катенина за точную передачу нѣмецкаго подлинника³⁾.

Неустановленность взглядовъ сказалась и въ переводныхъ критическихъ статьяхъ, посвященныхъ анализу романтическаго направленія. Въ одномъ и томъ же журналѣ помѣщались иногда статьи, прямо противорѣчащія другъ другу по выраженнымъ въ нихъ воззрѣніямъ. Мы имѣемъ въ виду Сынъ Отечества, на страницахъ котораго напечатаны этюдъ Вальтера Скотта: „О чудесномъ въ романѣ“⁴⁾, и записка неизвѣстнаго французскаго врача: „О гигиеническомъ вліяніи чудесности въ литературѣ“⁵⁾. Съ точки зрѣнія медика, чудесность не только не хороша сама по себѣ, но вредна и въ практическомъ примѣненіи.

¹⁾ Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. III, ч. I, стр. 474—479.

²⁾ „Урокъ кокетства, или липецкія воцы“ (1815), комедія кн. А. А. Шаховскаго.

³⁾ Н. С. Тихонравовъ, т. III, ч. I, стр. 474—479.

⁴⁾ Сынъ Отечества, 1829, ч. 129, стр. 229.

⁵⁾ Тамъ же, 1833, ч. 158, стр. 32.

„Сшибленные пагубными вымыслами повѣйшей поэзіи“, юпоши „слѣпо довѣряются современной пінтикѣ“, принимаютъ ее за истину и, воображивъ, что жизнь имъ надоѣла, оканчиваютъ свое существованіе самоубійствомъ; многіе изъ нихъ отвергаютъ всѣ правила гігіены, и одинъ паціентъ автора статьи, молодой ромаптикъ, „положилъ себѣ сдѣлаться такимъ тощимъ, какъ Фаустъ Шеффера, и, по образцу тогдашнихъ живописцевъ, находилъ идеаль красоты въ торчащихъ костяхъ и пергаментной кожѣ“. Кромѣ того, нервныя болѣзни усиливаются отъ потрясеній въ театрѣ. „Бывало такъ и зовутъ врачей для унятія то спазмовъ, то сильнаго біенія сердца, ощущаемыхъ при выходѣ изъ театра. Сколько разъ останавливалось самое пищевареніе при внезапномъ появленіи чудовища“.

Благосклонно относящійся къ Радклифъ, Вальтеръ Скоттъ въ своей статьѣ проявляетъ скорѣй симпатію, чѣмъ недоброжелательство къ новому роду поэзіи. По его мнѣнію, „изъ всѣхъ чувствъ, какими романистъ можетъ пользоваться, чтобы придать интересъ своему вымыслу, ни одно, кажется, не служитъ ему столько въ пользу, какъ любовь къ чудесному“, общая всѣмъ людямъ, такъ какъ склонность вѣрить, переходящая въ суевѣріе, имѣетъ начало и въ естествѣ человѣка, вѣчно сознающаго себя на землѣ странникомъ, который долженъ перейти въ иной міръ, и въ религіи, узаконяющей чудеса. Вальтеръ Скоттъ слѣдитъ за развитіемъ чудеснаго въ литературѣ, начиная со среднихъ вѣковъ, отмѣчаетъ употребленіе сверхъестественнаго въ „романѣ эпохъ первобытныхъ съ ихъ исторією и древностями“, какой вышелъ изъ-подъ пера ла-Мотта Фуке, указываетъ на особенную склонность нѣмцевъ къ таинственному, создавшую родъ сочиненій по преимуществу фантастическихъ и способствовавшую расцвѣту таланта Гофмана.

Какъ бы ни расходились взгляды на фантастику, однако послѣдней предстояло широкое поприще развитія среди общества, съ первыхъ лѣтъ XIX вѣка воспитаннаго на романахъ Радклифъ, Шписса и др. Лица, защищавшія баллады Жуковского, принадлежали къ числу тѣхъ, которыя сами способствовали увеличенію числа фантастическихъ произведеній и пробужденію въ Россіи интереса и вниманія къ Гофману. Кюхельбекеръ задумываетъ „Ижорскаго“ и „Вѣчнаго жида“ со всей причудливой обстановкой дѣйствія, А. И. Одоевскій вводитъ вѣдьмъ въ свою поэму „Василько“, Марлинскій рисуетъ ужасающія картины въ „Страшномъ гаданьѣ“, Грибоѣдовъ пишетъ „Грузинскую ночь“, Перовскій — „Черную курицу“ и „Лафертовскую маковницу“, В. О. Одоевскій обнаруживаетъ прѣкрасный талантъ въ изящныхъ повѣстяхъ въ духѣ Гофмана, Гречъ собираетъ преданія о видѣніяхъ для своей „Черной женщины“; журналъ Б а б о ч к а наполненъ рассказами о магахъ, заклинателяхъ духовъ, колдунахъ, другія повременныя изданія знакомятъ публику съ авторомъ „Серапіоновыхъ братьевъ“. Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь поддаются общему направленію: „Гробовщикъ“,

„Пиковая дама“, „Демон“, „Страшная мечь“ и „Портрет“, созданы, блестяща свѣжестью красокъ и художественностью отдѣлки, даютъ ясное представленіе о вліяніи современниковъ на нашихъ великихъ поэтовъ.

Описанныя литературныя вѣянія позволяютъ сдѣлать нѣкоторые выводы и заключенія.

Въ концѣ XVIII столѣтія и въ самые первые годы XIX-го распространяются въ русскомъ обществѣ переводные романы, сначала французскіе (Дюкре-Дюминиль, Флоріанъ), затѣмъ нѣмецкіе и англійскіе (Шписсъ, Вульпіусъ, Крамеръ и Радклифъ). Эти произведенія любопытны по сюжетамъ, типамъ, фантастическому элементу, картинамъ природы и основнымъ идеямъ. Рыцари, разбойники, убійцы, монахи, пѣвцы, тоскующія дѣвушки—въ роли главныхъ героевъ; разлука двухъ любовниковъ изъ-за неравенства общественнаго и матеріальнаго положенія или злодѣянія и грѣхи, требующіе раскаянія—центръ разсказа; масса таинственныхъ и чудесныхъ случаевъ, иногда объясняемыхъ естественнымъ образомъ; мрачныя и угрюмыя картины или сентиментальныя идилліи—внѣшняя обстановка, въ которой происходитъ дѣйствіе; указаніе на необходимость раскаянія въ грѣхахъ и обращенія на путь истины, на временное только притѣшеніе добродѣтели порокомъ, на возможность усладить горечь страданія, научиться переносить бѣдствія и сохранить надежду на лучшее будущее — цѣль, къ которой стремятся авторы... Таковы непремѣнныя черты каждаго романа.

Одновременно съ развитіемъ переводной литературы, въ Московскомъ Журналѣ, Иппокренѣ, Періодическомъ изданіи вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ, Драматическомъ Вѣстникѣ, Сынѣ Отечества, появляется новый литературный видъ „баллада“, отличающійся тѣми же приблизительно свойствами, какія отмѣчены въ романахъ. На порогѣ XIX вѣка печатаются оригинальные романы, въ родѣ „Geister-Räuber Romane“; нѣсколько позже выходятъ въ свѣтъ баллады Катенина.

Въ такой литературной атмосферѣ начинается поэтическая дѣятельность Жуковского, сразу заинтересовавшагося западно-европейскими романами („Розальба“ Флоріана, „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ Шписса), не только въ переводахъ, но и въ оригиналѣ, и помѣстившаго въ Вѣстникѣ Европы нѣсколько иностранныхъ произведеній съ чудеснымъ элементомъ („Привидѣніе“, „Горный духъ Ур“).

Желая быть соперникомъ-переводчикомъ въ стихахъ, а не рабомъ-переводчикомъ въ прозѣ, нашъ поэтъ оставляетъ романы и обращаетъ свое вниманіе на англійскія и нѣмецкія

піесы Вальтера Скотта, Томаса Мура, Соути, Бюргера, Уланда, лат-Мотта Фуке, Шиллера, Гете и др., представляющія собой удачное сочетаніе знакомаго уже ему изъ романовъ содержанія съ не менѣе извѣстной формой баллады.

Въ свою очередь, своимъ художественнымъ талантомъ, который позволялъ облекать въ несравненно болѣе изящные образы, чѣмъ въ оригиналъ, старое содержаніе, Жуковский способствовалъ жизненности послѣдняго. Группа писателей-декабристовъ, нѣкоторые изъ ихъ современниковъ, отчасти Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь идутъ той же дорогой, къ прежнимъ иностраннымъ любимцамъ причисляя Гофмана.

Наконецъ, все разобранное нами полу-фантастическое, полу-септимальное направленіе, проявившееся на протяженіи почти полувѣка въ переводныхъ и оригинальныхъ романахъ, поэмахъ, балладахъ — любопытно, какъ выраженіе нашихъ былыхъ симпатій, вкусовъ и взглядовъ, какъ характерный показатель переживаемаго обществомъ настроенія, имѣвшаго, быть можетъ, свои причины въ условіяхъ тогдашней жизни...